

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a knight in full plate armor. The knight is holding a sword upright, and a bright flame or fire is visible at the hilt of the sword. The knight's face is partially visible through the visor of the helmet. The entire cover is framed by a decorative gold border with geometric and floral motifs.

АЛИСА КОРОЛЬ

В СЕРДЦЕ АДА

«Его глаза — как тьма, в которой танцует вечность. Я думала, любовь — это цветы и шёпот под луной. Но здесь, среди криков и пламени, я поняла: настоящая страсть рождается в огне. Если Ад подарил мне это — пусть горит всё остальное»

КНИГА I

18+

Алиса Король

В сердце Ада

«Автор»

2026

Король А. В.

В сердце Ада / А. В. Король — «Автор», 2026

Цикл "Веда". Книга 1. В сердце Ада. Валери Бладторн была Королевой ведьм, последней Ведой, живым поглотителем магии. Её сожгли, думая, что уничтожат. Но пламя стало вратами в новый мир — мир демонов, где её сила вызывает ужас и вожделение. Теперь, в мире демонов, её запретная сила пробуждается с новой мощью. Здесь нет ни ведьм, ни людей — только хищники, готовые разорвать её на части или подчинить её дар. Это история о силе, которая не просит разрешения. О боли, которая становится броней. О тьме, которая может быть не только разрушением, но и возрождением. Готовы ли вы спуститься в Ад за правдой?

© Король А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Читайте в серии	5
Предисловие автора	6
Пролог	7
Глава 1. Вне времени	9
Глава 2. Спасение	18
Глава 3. В плену у Ада	25
Глава 4. Игра без правил	44
Глава 5. Два демона и одна душа	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алиса Король В сердце Ада

Читайте в серии

«ВЕДА»

Книга 1

«В сердце Ада»

Продолжение следует...

Предисловие автора

Дорогой читатель!

Перед тобой — не библейская преисподняя и не место вечных мук. Это Ад, но не такой, каким ты его представлял.

Здесь нет раскалённых сковородок и дьявольских котлов. Нет чертей с вилами и крылатых искусителей. Вместо этого — город, пульсирующий жизнью, которую ты едва осмелился бы назвать «нормальной».

В этом Аду демоны живут так, что их быт порой напоминает человеческий — с поправкой на тёмную природу и странные законы этого мира.

Демоны занимают должности генералов, едят мясо, пьют кофе, спят в уютных постелях и спорят о пустяках.

В демонских клубах звучит музыка, льётся алкоголь, а танцпол дрожит от ритма.

На улицах — ни солнца, ни звёзд, лишь багряное зарево, единственное светило этого мира. Оно не греет, не светит ярко, а лишь окрашивает всё в оттенки крови, меди и потускневшего золота. Здесь нет смены дня и ночи, лишь бесконечный сумрак, в котором тени кажутся гуще, а звуки — приглушённые. Время течёт иначе: часы растягиваются, минуты сжимаются, а ощущение «сейчас» всегда немного размыто.

Демоны — не безликие слуги зла, а сложная цивилизация. Первородные и Князья — вершат судьбы, владеют тайнами, контролируют потоки силы. Средний слой — торговцы, ремесленники, стражи порядка: они носят маски вежливости, но за ними — острые клыки конкуренции. Низшие — изгой и отступники: ютятся в трущобах, где магия течёт грязными ручьями, а сделки заключаются на крови.

Статус определяется не происхождением, а количеством накопленной силы.

Ад выстроен как девять концентрических кругов, каждый из которых отдельный мир со своими законами, ландшафтами и обитателями. Чем глубже круг, тем гуще тьма и сильнее давление древней магии.

Каждый круг управляется Князем — могущественным демоном, чья сила определяет законы этого уровня. Князья не подчиняются друг другу напрямую: между ними — хрупкий баланс союзов, интриг и молчаливых договорённостей. Власть Князя абсолютна в его круге: он может менять ландшафт, открывать или закрывать границы своего круга.

В самом центре, под девятым кругом, лежит преисподняя — место, куда не проникает даже багряное зарево. Там, в камерах из чёрного льда и заколдованной стали, томятся души умерших. Доступ в преисподнюю имеют только избранные: Князья и сам владыка Ада.

Это мир правил и иерархий, где сила не просто магия, а валюта. Где каждый шаг взвешен, каждое слово — оружие, а доверие — роскошь, которую немногие могут себе позволить.

Готовы ли вы шагнуть под багряное небо Ада?

Пролог

В мире, где магия текла по жилам земли, а ведьмы правили ночными тропами, существовали те, кого боялись даже чародейки. *Веды*.

Не колдуньи, не ведьмы, не обладательницы дара — они были *поглотителями*. Их прикосновение высасывало силу из всего живого: из трав, камней, людей, ведьм. Они не творили заклинаний, они *отнимали* магию. Их кожа была холодным вакуумом, их пальцы — лезвиями, рассекающими потоки энергии.

Веды не имели покровителей. Они были сами по себе — изгои, чудовища, ходячие проклятия. Но в час великой нужды ведьмы нашли способ обратить их природу на пользу себе: среди Вед избиралась Верховная — та, что становилась символом их власти, их щитом, их абсолютным оружием.

Валери Бладторн была рождена в тени. Её первые шаги оставляли выжженные следы на траве. Её смех заставлял гаснуть свечи. Её слёзы превращались в кристаллы, высасывающие тепло из воздуха.

Когда ей исполнилось шестнадцать, ведьмы нашли её в заброшенной часовне — она сидела среди увядших цветов и мёртвых птиц, а вокруг неё кружился вихрь опустошённой энергии. Они увидели в ней оружие.

Её обучили контролировать голод своей природы, направлять поглощение, а не поддаваться ему, становиться сосудом для магии, которую она не могла использовать, но могла хранить.

На церемонии посвящения старейшие ведьмы влили в неё свою силу — капля за каплей, заклинание за заклинанием. Они сделали её *Королевой ведьм. Верховной ковена близнецов*.

— Ты — наша крепость, — шептали они. — Ты — наш щит. Ты — наше возмездие.

И Валери стала править. Но даже в сердце тьмы можно найти свет.

Он пришёл в её жизнь как странник — *Арес*, историк, собиратель забытых легенд. Он не боялся её. Он не просил её скрывать силу. Он просто... был.

Они встречались на руинах древних храмов, где она рассказывала ему о тяжести короны, а он читал ей стихи, написанные на языках, умерших тысячу лет назад.

— Ты не чудовище, — говорил он, касаясь её руки, и не отдёргивал её, когда кожа Валери становилась ледяной. — Ты — река, что течёт сквозь пустыню. Без тебя здесь не было бы жизни.

Она смеялась, но в глубине души хранила его слова как талисман.

Всё рухнуло в ночь Великого Очищения. Люди, вооружённые святыми клинками и анти-магическими рунами, пришли за ведьмами. За Ведами. За теми, кто «осквернял» мир своей природой.

Города пылали. Леса стонали от криков. Реки становились красными. Валери сражалась. Она поглощала магию атакующих, превращая их заклинания в пыль, но с каждым ударом её сила росла, а контроль ослабевал. Она чувствовала, как тьма внутри неё рвётся наружу — та самая тьма, которую Арес всегда успокаивал.

Но его не было рядом. Его схватили первым.

Её привели на площадь, где уже горели десятки столбов. Воздух был пропитан запахом гари и отчаяния.

— Королева ведьм! — кричал инквизитор, поднимая факел. — Пусть твоё падение станет уроком!

Валери стояла на помосте, скованная антимагическими цепями. Глупые смертные не понимали, что это не подействует на Веду.

Её глаза искали его. И нашли.

Арес стоял в толпе. Его руки были в крови. Лицо — в синяках. Но взгляд — твёрдый, как камень.

— Прости, — беззвучно произнесла она.

Он не ответил. Только сжал кулаки.

Факел коснулся соломы. Огонь взвился вверх, обнимая её тело. Но она не кричала. Вместо этого она говорила. Сквозь пламя, сквозь боль, сквозь агонию, Валери произнесла:

— Вы думаете, это конец? Нет. Это только начало.

Её голос звучал не из горла, он шёл из самой сути её существа, из тьмы, что копилась в ней годами.

— Я — последняя Веда этого мира. Но я не буду *последней*. В другом месте, в другом времени, в другом мире родится *новая*. Она унаследует мой голод. Мой гнев. Мою силу. И когда она придёт, ни ваши клинки, ни ваши руны, ни ваша вера не спасут вас. *Она поглотит всё.*

Пламя поглотило её слова. Пламя поглотило её тело. Пламя поглотило её душу. Но её обещание осталось.

Глава 1. Вне времени

«Я не знаю, где я. Я не знаю, как я оказалась здесь. Но я не сдамся, даже если этот мир хочет меня сломать».

— Валери.

Тьма

Вокруг лишь беспросветная темнота — густая, плотная, словно вязкий сироп, поглощающий любые отголоски света. Она обволакивает меня со всех сторон, лишает ориентиров, стирает границы между реальностью и небытием. Я плыву в этой тьме, не чувствуя ни времени, ни пространства, ни собственного тела. Нет ни верха, ни низа — только бесконечное скольжение в пустоте, где даже мысль звучит глухо, будто сквозь толщу воды. А затем ощущаю резкий всплеск сознания и открываю глаза.

Первое, что бросается в глаза, — кроваво-красное небо. Оно нависает низко, будто давит на грудь, окрашивая всё вокруг в зловещие багровые тона. Я моргаю раз, другой, третий, но тщетно. Картина не меняется. Осознание ледяной волной прокатывается по позвоночнику: это не сон, не галлюцинация, не игра уставшего разума. Небо реально.

С трудом поднимаюсь на дрожащие ноги, и каждый сустав отзывается пронзительной болью. Тело словно избито: мышцы горят, кости ноют, а кожа покрыта невидимыми синяками. Осматриваюсь, и от увиденного дыхание замирает.

Пейзаж сюрреалистичен. Над головой бескрайний алый свод, лишённый привычного солнца, звёзд и облаков. Под ногами чёрная, растрескавшаяся поверхность, похожая на застывшую вулканическую породу. Вдали, мерцая зловещим оранжевым светом, тянется река живой лавы, издающая тихое шипение, будто шепчущая угрозы.

— Чёрт возьми, где я? — мысль вспыхивает паникой. Пытаюсь восстановить цепочку событий, цепляюсь за обрывки воспоминаний, как за спасательные нити.

Последнее, что я помню: огненное пекло, опаляющее кожу, запах гари, въедающийся в лёгкие, и скрежет антимагических цепей на запястьях. Площадь, заполненная толпой, лица размыты, но в каждом читается одно и то же: страх, ненависть, жадное любопытство.

А потом — пустота. Абсолютная, всепоглощающая тьма, в которой потерялось время.

И вот я здесь. В этом странном, чуждом мире, где даже воздух кажется ядовитым, пропитанным серой и страхом.

Неужели я... Я сгорела на костре и умерла? Умерла и попала... сюда?

«Может, это один из тех моих снов, где я путешествую по разным местам?» — слабая надежда мелькает в сознании.

Оглядываюсь ещё раз, пытаюсь найти хоть что-то знакомое, хоть малейший след цивилизации. Но вокруг лишь безжизненная пустыня, красное небо и река огня.

Застывшие чёрные скалы, пульсирующая лава, что течёт, словно живое сердце этого мира, и энергия. Она пронизывает всё вокруг, давит, обволакивает, будто густой ядовитый туман. Тёмная, мрачная, древняя, словно сама земля здесь дышит тьмой.

Каждый вдох отдаётся в груди тяжестью, каждый шаг будто вязнет в невидимой смоле.

«Нужно идти вперед, может, удастся найти что-то подобие выхода из этого странного места», — успокаивала я себя, всё еще не веря в то, что со мной произошло.

Мысли лихорадочно метались, цепляясь за обрывки знаний, полученных в ковене. Помню тихие вечера у костра, когда старейшины, склонив седые головы, неспешно рассказывали юным ведьмам о тайнах бытия, о границе между жизнью и смертью, о путях души после расставания с телом.

«Смерть — не конец, а лишь порог, — звучал в памяти мягкий, но твёрдый голос старейшины Лиры. — Душа, освободившись от брэнного тела, отправляется в странствие. Куда — ведомо лишь высшим силам. Но порой она задерживается, застревает между мирами».

Я сглотнула, вновь оглядывая зловещий пейзаж.

А как быть с тем, если у меня уже нет души? В таком случае, куда отправилась я?

Кроваво-красное небо, река лавы, вязкая тьма, пропитавшая воздух. Всё это не походило ни на райские кущи, ни на адские бездны, о которых шептали в легендах.

«Есть места, где реальность истончается, — продолжал голос Лиры в воспоминаниях. — Там душа может застрять, словно птица в паутине. Это не загробный мир в привычном смысле, а пограничье — пространство между мирами, где время течёт иначе, а законы бытия искажены».

Я вновь попыталась восстановить цепочку событий. Огонь, запах гари, антимагические цепи... Площадь, толпа, лица, размытые от боли и дыма. Потом — пустота. А теперь — это место.

— Может, я всё-таки не умерла? — мелькнула отчаянная мысль. — Может, это какое-то заклятие, иллюзия, ловушка?

Но боль в мышцах, жар от лавы, колючий ветер — всё было слишком реальным. Слишком осязаемым.

А если умерла... То куда попала?

В памяти всплыли другие рассказы — о реинкарнации, о перерождении души.

«Душа, исчерпав карму, может вернуться в новый сосуд, — говорила другая старейшина, Мария. — Но между смертью и новым рождением есть промежуток — время очищения, время осмысления пройденного пути. И в этом промежутке душа может столкнуться с испытаниями, с отражениями собственных страхов и ошибок».

Испытания... Отражения страхов...

Неужели это и есть моё испытание? Место, где мне предстоит что-то понять, что-то принять, прежде чем двигаться дальше?

Я закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться. В глубине сознания зашевелилось что-то ещё — не воспоминание, а скорее ощущение. Тёплое, знакомое. Словно далёкий шёпот, который я не могла разобрать. Кто-то... или что-то... зовёт меня?

Открыв глаза, я посмотрела вперёд, туда, где река лавы исчезала за изломанным горизонтом. Если это пограничье, если это испытание, то у него должен быть смысл. И выход.

— Я не сдамся, — твёрдо решила я. — Выясню, где я и найду путь. И если это действительно жизнь после смерти — я встречу её лицом к лицу. Ведь я Королева Валери Бладторн, Веда и Верховная ковена близнецов.

Собрав всю волю в кулак, я сделала первый шаг по растрескавшейся земле. Серпантин из чёрных камней извивался змеей, уводя всё дальше в неизвестность.

Как можно спокойно передвигаться по этим острым, неровным выступам? Каждый шаг — испытание: то камень выскользнет из-под ноги, то трещина едва не поглотит ступню.

Я сделала шаг и... что-то ощутила.

Толчок энергии.

Следом тишина разорвалась без предупреждения. Воздух задрожал, будто от невидимого удара. Я замерла, чувствуя, как кровь стынет в жилах.

Оно появилось внезапно. Из ниоткуда, из самой тьмы, из складок этого безумного мира возникло огромное нечто. Силуэт сперва расплывался, словно сотканный из теней, но с каждым мгновением становился чётче, реальнее, ужаснее.

Чудовище.

Его тело — массивная туша, покрытая чёрной, словно выжженной кожей, испещрённой багровыми прожилками, будто венами самого Ада. Мускулы перекачивались под кожей, словно живые змеи.

А голова... О, эта голова навсегда врезалась в память: клыки длинные, жёлтые, выступающие из пасти, словно кинжалы, готовые разорвать плоть; когти острые, изогнутые, чёрные, как обсидиан, способные вспороть камень; рога огромные, витые, тёмные, с острыми концами, будто копыта, выросшие из черепа.

Оно стояло передо мной, дыша тяжело, с хрипом, словно древний механизм, работающий на износе. Глаза — два пылающих угля, в которых не было ни капли разума, лишь голод, ярость и древняя, непостижимая злоба.

Я застыла, не в силах пошевелиться.

Время остановилось. Только биение сердца, громкое, отчаянное, отдавалось в ушах, словно последний отсчёт перед неизбежным.

Что это? Страж этого места? Порождение тьмы? Или... мой собственный страх, обретший форму? И главное, как выжить?

Чудовище кинулось на меня мгновенно — молниеносный бросок, будто сама тьма обрела форму и рванулась вперёд. В тот миг, когда когти уже готовы были вонзиться в плоть, взгляд случайно выхватил из хаоса катану. Она лежала на земле, словно забытая кем-то реликвия, остриё тускло мерцало в багровом свете.

«Знать не хочу, кто её тут оставил», — пронеслось в голове, пока пальцы судорожно сжимали рукоять.

Первый взмах — и металл встретил плоть с леденящим хрустом. Второй — и чудовище отшатнулось, шипя, как раскалённый уголь в воде. Но торжество длилось мгновение. За его спиной, словно из самой земли, вырос ещё один противник — такой же чудовищный, с теми же пылающими глазами и клыками, готовыми разорвать меня на части.

— Ладно, хватит геройствовать, пора валить.

Бег по изломанному ландшафту превратился в кошмарный танец: камни скользили под ногами, лава шипела где-то рядом, а воздух рвали хриплые вопли преследователей.

От бегства я сбилась со счёта времени. Сколько я здесь? Дни? Часы? Минуты? Время здесь потеряло смысл, только бесконечный бег, только стук сердца, только жажда выжить.

Я еще пару раз наткнулась на этих существ — они выныривали из теней, будто порождения самой тьмы, и приходилось прятаться за выступы скал, замирать, сливаясь с камнем, пока их когти скребли по поверхности в поисках добычи.

И в конце концов они вынюхали меня. Их нюх, их инстинкт говорили о том, что сама земля сообщала им о моём присутствии. Нападение оказалось внезапным. Они поднялись из-под земли, как корни древнего дерева, прорвавшие почву. Клинки когтей сверкнули в алом небе, и началась битва, хаотичная, жестокая, где каждый вдох мог стать последним.

Но вдруг я почувствовала незнакомое ощущение за спиной. Движение энергии. Не просто движение, а присутствие. Я резко обернулась, катана в руке готова была нанести удар, но...

Передо мной стоял человек.

Не чудовище, не тень, не порождение этого безумного мира, а просто мужчина, одетый в кожаную одежду, с глазами, полными такого же шока, как и у меня. На мгновение мы замерли, изучая друг друга, словно два призрака, случайно столкнувшиеся в ночи.

И, в отличие от меня, он был безоружен.

— Встань за мной! — крикнула я, разворачиваясь обратно к тварям, не дожидаясь ответа.

Бой возобновился. Выпад — клинок встречает когти, звон металла и рёв боли. Удар — чудовище отшатывается, кровь капает на чёрные камни. Разворот — и ещё один взмах, точный, как удар змеи, и одна голова чудовища катится по земле, оставляя за собой багровый след.

На миг я остановилась, чтобы оглянуться, проверить, жив ли этот мужчина. Но... Его и след простыл. Ни звука, ни движения, ни даже тени там, где он только что стоял.

— Какого чёрта...

Может, этого мужчины и вовсе не было? Или это место просто играет с моим разумом?

Брат

Я стоял перед массивными воротами подземных архивов архидемонов, и холодный пот стекал по спине, несмотря на жар, исходящий от раскалённых трещин в полу. Ворота были высечены из цельного куска обсидиана, испещрённого рунами, которые пульсировали тусклым багровым светом — словно сердца давно умерших существ.

«Три тысячи лет... — подумал я, проводя рукой по ледяной поверхности камня. — Что могло произойти в те времена? Какие тайны погребены здесь?»

Я активировал ключ — кольцо с чёрным кристаллом, добытое ценой немалых потерь. Руны на воротах вспыхнули ярче, затем погасли, и створки медленно разошлись в стороны, обнажая тьму, пронизанную мерцающими нитями магического света.

Внутри царила атмосфера древности и могущества. Полки из чёрного мрамора тянулись вдоль стен на сотни метров, уходя в сумрак. На них покоились свитки, книги с металлическими страницами, таблички из кости и камня, артефакты, от которых веяло силой минувших эпох. Воздух был густ и тяжёл, пропитан запахом пыли веков и едва уловимой горечью забытых заклинаний.

Я шёл по залу, касаясь корешков книг. Пальцы скользили по тиснёным названиям на языках, давно вышедших из употребления: «Хроники Падения Трёх Лун», «Своды Законов Первого Совета», «Записи о Великом Разломе».

На одном из столов лежал раскрытый фолиант. Я склонился над ним. Страницы были сделаны из чего-то, напоминающего высушенную кожу, а чернила — тёмно-красные, почти чёрные.

Текст повествовал о войне древних архидемонов и Князей за контроль над кругами Ада, за установление власти. Я читал о битвах, где горы рушились от одного удара крыльев, о заклинаниях, обращавших реки в лаву, о союзах, скреплённых кровью и клятвами на вечные муки.

— А нас пытаются убедить, что Ад был таким всегда... — пробормотал я.

Перейдя в соседний зал, я обнаружил секцию, посвящённую забытым ритуалам. Здесь были книги с предостережениями, обёрнутые в цепи, свитки, запечатанные воском с оттисками когтей.

Один из манускриптов привлёк моё внимание — его обложка была украшена изображением глаза, окружённого кольцами символов. Я осторожно развернул его. Текст описывал способ создания «зеркал реальности» — порталов в параллельные миры.

Я углубился в чтение, забыв о времени. Строки текли перед глазами, открывая картины давно минувших дней: города, парящие над огненными равнинами, существа, чьи формы не поддавались описанию, битвы, сотрясавшие основы мироздания.

— И всё это существовало более трёх тысяч лет назад?

Внезапно что-то изменилось. Воздух дрогнул, словно от далёкого взрыва. Я поднял голову, прислушиваясь к себе. В крови зазвучал гул — тихий, но настойчивый, будто далёкий звон колокола.

— Это ещё что? — мысль пронеслась молниеносно.

Я закрыл книгу и сделал несколько шагов к центру зала. Ощущение усиливалось. Энергия была чуждой, не из этого мира. Она пульсировала где-то далеко, но с каждым мгновением становилась отчётливее, словно кто-то прорывал ткань реальности.

Оставив фолиант на столе, я направился к выходу. В голове крутились обрывки прочитанного: упоминания о разломах, о существах, приходивших из-за пределов, о катастрофах, вызванных вмешательством извне.

Магические светильники вдоль стен замерцали, реагируя на всплеск энергии. Я ускорил шаг. Любопытство, всегда бывшее моей слабостью, теперь подгоняло вперёд. Что бы это ни было — оно нарушило покой веков, и я должен был это увидеть.

И с этой мыслью я рванулся к источнику энергии — туда, где небо над горами окрашивалось в багровые тона, а воздух дрожал от мощи чего-то совершенно иного.

Когда я ступил на Огненные Пустоши, меня накрыло странным, диким ощущением, будто невидимая волна прокатилась по коже, заставив каждый нерв напрячься. Я замер, прислушиваясь к себе, к едва уловимому гулу в крови. Эта энергия пульсировала, манила, будто звала по имени.

Что за чертовщина?

Чем ближе я подходил, тем отчётливее чувствовал: там происходит что-то... неправильное. Мир словно треснул, и сквозь эту трещину просочилось нечто чуждое, опасное. И вот — первое видение, от которого кровь застыла в жилах.

Она.

Девчонка. Невысокая, хрупкая на вид, со светлыми, почти пепельными волосами, развевающимися в такт хаотичным движениям. В маленьких, почти детских руках она держала катану, блестящую от крови. А вокруг — потрошители. Твари, которых даже демоны сторонятся. И она... бьётся с ними. Не прячется, не бежит, а сражается с яростью, которой позавидовал бы и опытный воин.

А потом этот момент. Резкий взмах клинка, мгновенная пауза, и её голос, твёрдый, будто сталь:

— Встань за мной!

Я едва не рассмеялся.

Малыш, ты серьёзно? Кинулась меня защищать, даже не узнав, кто я, не осознавая, что один мой взмах руки мог бы уничтожить её без усилий. Но... Что-то в ней было. Что-то, что заставило меня замереть, присмотреться.

Я стал двигаться быстрее, словно время застыло, растянулось в тягучую плёнку, пока я приближался.

Я всматривался в её тонкие черты лица, заострённые от напряжения, глаза, горящие не страхом, а гневом, капли пота на висках, смешивающиеся с пылью и кровью, и эта неукротимость в каждом движении, будто она знала, что проиграть — значит перестать существовать.

Красивая.

Но откуда? Как она здесь оказалась? Как попала в мой мир? И главное, как снесла голову потрошителю одним ударом? Это не сила обычного демона. Даже не сила обычного человека.

Кто же ты?

Она может быть потенциальной угрозой для моего мира, а значит, потрошители сами устранят её.

Я переместился во дворец, где меня уже ждал брат с этим своим привычным выражением лица: «Ты опять вляпался во что-то эпическое».

А я всё думал...

«Кто ты, девчонка с катаной? И почему твоё присутствие ощущается как разлом в реальности?»

Соперник

Я откинулся на бархатные подушки, лениво проводя пальцами по гладкой коже демоницы, раскинувшейся рядом. Её алые губы изогнулись в улыбке, а глаза, сверкающие как расплавленное золото, обещали ещё немало приятных минут. Как же её имя?

В воздухе витал аромат благовоний и терпкого вина, а приглушённый свет магических кристаллов создавал интимную атмосферу.

— Ну что, продолжим? — прошептала она, приподнимаясь на локтях и наклоняясь ко мне.

Я уже собирался ответить с намёком на согласие и долей игривой дерзости, — как вдруг...

Тело пронзила волна чужой энергии. Не удар, не боль — а ощущение, будто сама реальность треснула, и сквозь щель просочился иной мир.

Я замер, пальцы судорожно сжали край шёлкового покрывала. По спине пробежал ледяной озноб, волосы на затылке встали дыбом. Даже показалось, будто стены покоев едва заметно дрогнули, а кристаллы на стенах мигнули, будто от внезапного скачка напряжения.

— Что... — начала демоница, но я уже отстранился, резко сел и спустил ноги с кровати.

— Прости, милая, — бросил я, быстро подбирая разбросанную одежду. — Дела.

— Какие ещё дела? — её голос зазвучал раздражённо. — Ты же только что...

— Внезапные, — отрезал я, застёгивая пояс с оружием. — И важные.

Вот же приставучая!

Она фыркнула, откинувшись назад и скрестила руки на груди, сверкнув когтями:

— Как всегда, в самый неподходящий момент...

— Зато честно, — я подмигнул ей, пытаюсь сгладить ситуацию. — Вернусь — продолжим.

Обещаю.

Чёрта с два я вернусь.

Не дожидаясь ответа, я вышел из покоев и быстрым шагом направился по коридору.

Коридоры замка были выложены чёрным мрамором с прожилками раскалённой лавы — она пульсировала в такт биению сердца самого Ада, отбрасывая багровые отблески на стены.

По бокам тянулись галереи с колоннами из базальта, украшенными барельефами древних битв: демоны с крыльями, похожими на паруса, разрывали на части крылатых существ, напоминавших драконов.

В нишах стояли статуи павших генералов — их глаза, инкрустированные рубинами, казалось, следили за каждым моим шагом.

Воздух здесь был тяжелее, чем в моих покоях, — пропитан магией договоров и клятв, скреплённых кровью. Каждый шаг отдавался эхом, словно сам замок напоминал: я — Князь шестого круга, и моя власть здесь абсолютна. По крайней мере, пока.

За поворотом я внезапно столкнулся с Каэроном.

Он шёл, словно это место принадлежало ему одному, — с привычной холодной сосредоточенностью, от которой у меня всегда зудело между лопаток.

Старший брат.

Три тысячи лет, а ведёт себя так, будто время над ним не властно.

И не властно, чёрт возьми.

— Решил вернуться? — спросил я, стараясь удержать голос ровным.

Где он был последние месяцы? Почему вернулся именно сейчас? И что, чёрт возьми, происходит с этой энергией?

— Как видишь, — бросил он безэмоционально и двинулся дальше по коридору, будто ничего не случилось.

Я шагнул следом.

Ненавижу, когда он так делает — появляется из ниоткуда, смотрит этим своим взглядом, будто я всё ещё мальчишка, играющий в политику.

— Ты почувствовал? Что-то странное... — начал было я, но он оборвал на полуслове.

— Да. И это странное сейчас где-то там.

— О чём ты? Что это, Каэрон? — я ускорил шаг, пытаюсь поймать его взгляд.

Он лишь коротко бросил, не оборачиваясь:

— Девчонка, брат. Девчонка.

Я застыл на мгновение, не понимая, шутит он или серьёзно.

— Девчонка? Какая ещё, нахрен, девчонка? — рявкнул, догоняя его.

Каэрон наконец остановился и обернулся. Его глаза — стальные, серые, словно остывший пепел древних вулканов Ада, — смотрели на меня с тем самым снисходительным равнодушием, которое всегда бесило. В них не было ни раздражения, ни вызова — только бесконечное, почти ледяное спокойствие, будто он наблюдал за суетой мира со стороны, из какой-то недостижимой высоты.

Этот взгляд я знал слишком хорошо. Он означал, что Каэрон уже всё решил для себя, что мои слова и эмоции для него — всего лишь шум, не стоящий внимания.

И хуже всего было то, что в глубине души я понимал: он не притворяется. Он действительно так думал.

— Ну так... Маленькая. С потрошителями.

— Что ты сказал?! — Я рванул вперёд, схватил его за плечо, развернул к себе. — Ты кинул девчонку одну на растерзание потрошителям? — Голос дрожал от ярости. Ещё секунда, и из глаз, кажется, польётся лава.

Он даже не дрогнул. Лишь пожал плечами, словно речь шла о пустяке:

— У неё была катана.

Какая, к чёрту, катана?! Что вообще несёт этот кретин?

Девчонка.

Маленькая.

Против потрошителей.

С катаной.

В голове не укладывалось.

— Ты хоть понимаешь, что творишь? — прошипел я. — Ты появляешься после месяцев отсутствия, бросаешь какие-то загадки, а теперь ещё и говоришь, что оставил кого-то умирать?

— Я не говорил, что она умирает, — спокойно ответил Каэрон. — Она сражалась. И неплохо.

— Откуда ты знаешь?

— Видел.

— И не помог?

— А должен был? — он слегка приподнял бровь. — Ты всегда слишком много вмешиваешься, Майкл. Ад не нуждается в спасении каждую минуту. Иногда стоит просто наблюдать.

— Наблюдать, как кто-то погибает? — я сжал кулаки. — Вот почему ты никогда не остаёшься здесь надолго. Ты не понимаешь, что значит ответственность. Ты Князь не меньше меня, но ведёшь себя как бродяга!

— Возможно, — он улыбнулся уголком рта. — Но зато я свободен.

Я отпустил его плечо, сделал шаг назад, пытаюсь осмыслить происходящее. Но времени на раздумья не было — энергия всё ещё пульсировала, звала, манила.

«Сам во всём разберусь», — решил я и, не дожидаясь ответа, рванул прочь из дворца.

Переместился на зов исходящей энергии — быстро, резко, сквозь пространство. Оказался на границе Огненных Пустошей, где воздух был пропитан пеплом и кровью.

И тогда я *увидел*.

Она стояла на вершине горы.

Крошечная фигурка на фоне багрового неба, с катаной в руках, окружённая тварями, от которых даже у меня по спине пробежал холодок.

Волосы растрёпаны, одежда в грязи и крови, но глаза... Глаза горели. Не страхом. Не отчаянием. А чем-то, что я не мог определить.

И в этот момент я понял — *это не просто девчонка*, — и то, что она здесь, не случайность.

Тьма

Сама не поняла, как оказалась на вершине этой проклятой горы.

Словно мир вдруг переменялся — только что я сражалась, отбивалась, искала путь сквозь лабиринт скал и лавы, а теперь... стою на краю бездны.

Ветер рвёт волосы, свистит в ушах, а под ногами лишь пропасть, тёмная, бездонная, будто сама вечность разверзлась передо мной.

Высота... Головокружительная.

Если посмотреть вниз, кажется, будто земля растворяется в тумане, а небо давит сверху, заставляя колени подгибаться.

Я едва держалась на ногах, каждая мышца кричала от усталости, каждая капля силы иссякала, словно вода сквозь пальцы. А потом очередной удар, резкий, беспощадный, пришёлся точно в плечо. Я пошатнулась, попыталась удержаться, но земля ушла из-под ног.

Мир перевернулся.

Я летела вниз.

Ветер бил в лицо, волосы разметались, а внизу лишь размытая картина из камней и теней. Время растянулось, словно резина, и в этот миг пришло... смирение. Никаких мыслей. Никаких страхов. Только тихое, почти ласковое ожидание: «Сейчас всё закончится, я и так сгорела, и так мертва».

Я даже не пыталась сопротивляться, просто закрыла глаза, приготовившись к удару, к боли, к темноте.

Но вместо жёсткой земли, вместо ломающихся костей и последнего вздоха...

Тепло.

Глава 2. Спасение

«Я хотел лишь прочесть её мысли. А она прочла меня».
— Каэрон.

Тьма

Тепло.

Нежное, обволакивающее, словно меня подхватили невидимые руки.

Я почувствовала мягкое давление, будто кто-то бережно удержал меня в последний момент, не дал разбиться.

Медленно, с трудом я приоткрыла глаза и увидела человека. Но не того, что в первый раз.

Его лицо было размыто из-за головокружения, но я разглядела главное: спокойное выражение, почти безмятежное, тёмные волосы, слегка растрёпанные ветром, глаза — глубокие, как ночное небо, но лишённые всякого тепла, холодные и пронзительные, словно два осколка льда.

Он держал меня на руках легко, будто я ничего не весила. Его ладонь лежала на моей спине, другая поддерживала под колени. И от него шло это тепло — не просто физическое, а какое-то... живое. Как будто сама жизнь просочилась сквозь его кожу и коснулась меня.

Я хотела что-то сказать, спросить, кто он, как оказался здесь, почему спас меня, но слова застряли в горле. Я только смотрела на него, пытаюсь осознать, что это не сон, не галлюцинация, не последний проблеск сознания перед смертью.

А он... Он просто смотрел в ответ. И в этом взгляде было что-то, от чего внутри что-то дрогнуло.

Предчувствие.

Соперник

Я сделал пару шагов до намеченной цели, сосредоточившись на пульсирующей энергии, что вела меня сквозь скалы и тьму. Поднимаю глаза вверх — и в этот миг мир словно замирает. В небе, на фоне багровых облаков, мелькает силуэт. Я едва успеваю осознать, что происходит, когда инстинктивно выставляю руки вперёд. Мгновение — и она падает прямо в мои объятия.

Девушка.

Чертовски. Красивая. Девушка.

Её длинные пепельные волосы разметались по плечам, одежда изорвана, но в глазах — ни капли страха. Только тишина, только вопрос, застывший в глубине ледяных зрачков. На долю секунды я теряюсь, впитывая её образ: хрупкость и одновременно несгибаемую волю.

Но тут же вспоминаю: за нами — *они*. Потрошители. Твари, которые не остановятся, пока не разорвут добычу на части. Они замирают при виде меня, принохиваются, скалятся, обнажая жёлтые клыки. Один из них делает шаг вперёд, другой шипит, выпуская клубы едкого дыма из ноздрей.

Я медленно поворачиваюсь к ним, всё ещё держа девушку на руках. Внутри закипает ярость — горячая, первобытная.

— Пошли вон отсюда! — рычу я, и мой голос отдаётся гулом в горах, словно раскат грома.

В этот момент моя магия вырывается наружу. Глаза вспыхивают алым светом — не просто отблеском окружающего мира, а внутренним пламенем власти. Из ладоней исходит волна тёмной энергии, густой и осязаемой, как дым, но обжигающей, как расплавленная сера.

Потрошители отступают на шаг. Их глаза, пылающие голодом, теперь отражают замешательство. Они чувствуют мою сущность — не просто демона, а Князя, чья власть закреплена кровью и древними договорами.

Я чувствую, как сама земля под ногами отзывается на мою волю: трещины в скалах пульсируют ярче, лава в реках вскипает, усиливая мою ауру.

— Убирайтесь! — повторяю я громче, и на этот раз в голосе звучит приказ, подкреплённый магией. — Это мои земли. Мой круг. И я не позволю вам осквернять их!

Моя аура разрастается — тёмный купол силы, окутывающий подножие горы.

Один из чудовищ пытается броситься вперёд, но едва пересекает невидимую границу моей ауры — вскрикивает от боли. Его шкура дымится, когти чернеют и крошатся.

Остальные отступают, шипя и рыча, но уже не угрожающе, а испуганно. Они чувствуют, что столкнулись не с обычной добычей, а с силой, способной их уничтожить.

Твари разворачиваются и, прижимаясь к земле, бросаются прочь. Они исчезают в расщелинах гор, растворяются в клубах дыма и тени, словно их никогда и не было.

Я перевожу дыхание, чувствуя, как магия утихает, а глаза снова приобретают обычный цвет. Перевожу взгляд на девушку — она всё ещё в моих объятиях, смотрит на меня широко раскрытыми глазами. В них читается не страх передо мной, а скорее... понимание.

Не раздумывая, перемещаю нас к входу во дворец. Пространство рвётся, как тонкая ткань, и вот уже под ногами мраморные ступени, а впереди — тяжёлые двери, украшенные древними рунами.

Останавливаюсь, понимая, что всё ещё держу её на руках. Слишком близко. Слишком... правильно. Я должен дать ей возможность идти самой, но меньше всего сейчас мне хочется её выпускать.

В голове мелькает безумная мысль: запереть её где-нибудь, спрятать от всего круга, уберечь...

Всё, Майкл! Успокой свои мысли.

Во дворце полно легкодоступных демониц, а она... Она иная. Не похожа ни на кого. Я вижу её впервые, не знаю, кто она, откуда, почему её энергия так странно резонирует с моей. Но что-то в ней есть, что-то, от чего кровь бежит быстрее.

— Извини, — наконец произношу я, осторожно опуская её на землю. — В столице нечасто бывают гости.

Она машинально пятится назад, будто боится, что я снова схвачу её. В глазах настороженность, но не паника.

— Дальше ты можешь идти сама, — говорю, поднимая руку и указывая на массивные двери. — Туда. Тебе не о чем волноваться. Здесь нет этих тварей, и ты будешь в полной безопасности.

Мы пересекаем прихожую — просторное помещение с высокими сводами, где эхо наших шагов отдаётся глухим стуком.

Она вертит головой, пытаясь осознать, где оказалась. Взгляд скользит по старинным гобеленам, по статуям древних демонов, по мерцающим кристаллам, что освещают зал холодным светом.

Я останавливаюсь, наблюдаю за ней. В девушке нет суетливости, нет растерянности, лишь тихое любопытство и какая-то странная уверенность, будто она привыкла к невероятному.

В этот момент ко мне подлетают слуги — демоны в чёрных ливреях. Один снимает мой пиджак, другой склоняется в почтительном поклоне. Девушка оборачивается, следит за их движениями, и в её взгляде мелькает удивление.

Или мне это только кажется?

— Накройте ужин в столовой немедленно, — приказываю, не отрывая от неё глаз. — Я хочу видеть самые изысканные блюда на столе.

Слуги исчезают так же быстро, как появились. А она всё ещё стоит, слегка приподняв бровь, будто готова к любому повороту.

Тьма

Всё происходило как в тумане, будто мир вокруг был нарисован акварелью, а реальность то и дело расплывалась, теряя чёткие контуры.

«Что вообще происходит? Что это за место?» — мысли метались, натываясь на стену непонимания.

Я невольно вздрогнула, когда его пальцы коснулись моей руки. Прикосновения... Они никогда ничем хорошим не заканчивались. Всегда несли с собой чужие воспоминания, чужие боли, чужие судьбы. Ну и, конечно, смерть. Но сейчас — тишина. Никаких картинок, никаких голосов в голове. Только тепло его ладони и странный, почти пугающий покой.

Кто ты, чёрт возьми? И прекрати так на меня смотреть!

— Идём! — его голос прозвучал холодно, жёстко, будто лезвие, рассекающее воздух. В нём была власть, та, что не терпит возражений.

Внутри шевельнулось упрямое желание противиться. Но я молча последовала за ним.

Мы шли по бесконечным коридорам дворца, лабиринту из мрамора, золота и теней. Но золото здесь было тёмным, почти чёрным, с прожилками багрового огня, а мрамор отливал не белизной, а синевой замёрзшей крови.

Воздух был густым и тяжёлым, пропитанным запахом серы, благовоний и чего-то ещё — древней, первобытной силы. Он давил на грудь, заставлял дышать чаще, будто пытаясь проникнуть внутрь, завладеть разумом.

Поворот, ещё поворот, лестница, галерея... Дворец казался огромным, словно целый город, спрятанный под одной крышей. Высокие своды, украшенные резьбой в виде переплетающихся змей и крыльев, нависали над головой, вызывая ощущение, что вот-вот рухнут. Сквозь витражи пробивался багровый свет. Он падал на пол кровавыми пятнами, словно пролитая кровь.

Наконец мы достигли входа в столовую.

Помещение поражало масштабом и гнетущей роскошью. Огромный зал с высоким сводчатым потолком. По периметру стен шли массивные колонны из чёрного мрамора с прожилками алого камня, напоминающего застывшую кровь. Между колоннами висели гобелены с изображением древних битв — существа в доспехах сражались с крылатыми созданиями.

Ткань гобеленов шевелилась, будто от невидимого ветра, а фигуры на них иногда меняли позы.

Стол уже был накрыт. Но только на одного человека. Я едва успела удивиться, как шагнула за угол и... наткнулась на *него*.

— Ты! — мы выкрикнули это одновременно. Тот самый парень, которого я пыталась защитить от тех чудовищ, стоял передо мной, ухмыляясь, словно всё это было чьей-то злой шуткой.

— Извини, — он отступил в сторону, позволяя мне войти. — Проходи.

Что здесь, чёрт возьми, происходит?

В центре стоял длинный стол из тёмного дерева, инкрустированный серебряными узорами, напоминающими руны проклятий. Чёрная бархатная скатерть с вышивкой в виде замысловатых символов ложилась тяжёлыми складками.

На столе — серебряные приборы с гравировкой, изображающей сцены мучений, хрустальные бокалы, отливающие багровым в свете магических светильников.

Стены украшали зеркала в рамах из кованого железа, но в них не отражалось ничего, кроме тумана и смутных силуэтов. Под ногами лежал ковёр из шкур неизвестных существ с длинными серебристыми волосами — он был мягким, но при каждом шаге казалось, будто под ним шевелится что-то живое.

Пахло ладаном, миррой и чем-то сладковатым, почти гнилостным. Где-то вдалеке слышался низкий гул — то ли голос самого дворца, то ли стоны душ, запертых в его стенах.

Второй, мой спаситель, жестом указал на стул в центре стола. Я села. Они расположились напротив.

Мой взгляд упал на стол. На нём была еда... На удивление обычная, человеческая еда. Салаты, мясо, хлеб, горячие напитки.

В загробном мире есть еда?

Я была настолько голодна, что, не обращая внимания на присутствующих, принялась поглощать пищу. Или голод мне лишь казался?

Лишь спустя несколько минут я подняла глаза и поняла: они смотрели, не отрываясь, как будто изучали, пытались прочесть каждую мысль, каждое движение.

— Спасибо, всё очень вкусно, — выдавила я, чувствуя, как горло сжимается от напряжения.

Хотя я не могла понять, действительно ли мне понравилась еда. Кажется, я схожу с ума.

— Возьми ещё десерт! — внезапно произнёс первый брютет.

Передо мной материализовался чизкейк с фисташкой — нелепый, чужеродный в этом мрачном дворце.

— Десерт? — я подняла на него недоумённый взгляд.

— Твой любимый, разве нет? — он улыбнулся, но в этой улыбке не было прежней уверенности.

Вот гад!

В тот же миг я ощутила это — лёгкое покалывание в висках, будто невидимая игла пытается проникнуть в сознание. По спине пробежал холодок, волосы на затылке встали дыбом.

На долю секунды в его взгляде мелькнуло удивление, почти восхищение, а затем он резко встал, хлопнул дверью и исчез.

— Не обращай внимания на моего брата, — наконец подал голос мой спаситель.

— Он что, только что копался в моей голове? — я не скрывала раздражения. — Кто вы вообще такие? И что это, чёрт возьми, за место?

— А напослони ещё раз, кто ты? — он расплылся в улыбке. Что означал этот жест? Игривость? Насмешка? Проверка? — А, точно, ты не говорила.

— А сам-то! — вырвалось у меня, и на его лице снова возникла такая ухмылка, будто он знал что-то, чего не знала я.

— Майкл. А это мой брат Каэрон, — наконец признался он.

— Валери. Так и что это за место?

По его взгляду я поняла, что ответов не получу.

— Ты устала. Поговорим об этом завтра. Можешь выбрать любую комнату наверху и отдыхать, — его тон не допускал возражений.

Он просто поднялся и ушёл, оставив меня одну среди хрусталя и серебра.

Ну и кто так делает?

— Ладно. Задерживаться здесь я всё равно не собираюсь.

Я вышла из столовой и увидела впереди лестницу. Поднялась по ней и двинулась по длинному коридору. Глаза сами искали убежище — место, где можно спрятаться от этих двоих, от их взглядов, от вопросов, на которые нет ответов.

Коридор казался бесконечным. Свет магических кристаллов, вмонтированных в стены, мерцал, создавая уродливые тени. Где-то вдалеке слышались шаги слуг, приглушённые голоса, скрип дверей.

Я шла, прислушиваясь к этим звукам, пытаюсь понять, что скрывается за стенами этого дворца.

Глаза сами вцепились в красивую дверь из чёрного дерева. Я толкнула её.

Внутри было пусто, чисто, убрано. Ни личных вещей, ни следов присутствия хозяина. Только кровать справа с тёмным бархатным покрывалом, левее у окна шкаф из того же чёрного дерева, что и дверь, и огромное панорамное окно с тяжёлыми бархатными шторами цвета запекшейся крови.

«Она будет моей», — решила я, не раздумывая.

На стене висело зеркало в простой железной раме — в нём я увидела своё отражение: растрёпанные пепельные волосы, измученное лицо, штаны и рубаха в грязи и крови.

Силы закончились. Я даже не стала разглядывать подробнее обстановку, просто упала на кровать и провалилась в сон, как в тёмную бездну, где не было ни вопросов, ни ответов, ни чужих мыслей в моей голове.

Брат

Я совсем не удивлён тому, что ей удалось выжить после встречи с потрошителями. Не без помощи брата, конечно, но всё же.

Садясь за стол, я всё ещё пытался унять странное волнение, сжимающее грудь. Мы с братом хотели получше понять, кто она и откуда. Но если Майкл, судя по его взглядам, пытался разгадать её изгибы тела, её пластичность, то меня... Меня волновало нечто иное.

Что со мной происходит? Почему её присутствие будит во мне чувства, которым я не могу дать названия? Почему каждый её взгляд, каждое движение заставляют сердце биться чаще? А то, как на неё смотрел Майкл, выбивало из колеи ещё сильнее. В какой-то момент я едва сдержался, чтобы не вскочить и не выколоть ему глаза.

Неужели всё дело в том, что она *живая*? И именно это так привлекало меня и Майкла?

Не выдержав, я покопался в её мыслях. Осторожно, почти невесомо, лишь чтобы уловить отголоски, понять, кто она. И тут я увидел фрагменты: огонь, книги, шёпот заклинаний.

Ведьма.

Не из этого мира. Человек с силой, которая здесь никогда не существовала.

Нужно было действовать осторожнее. Начать с малого. Например, узнать, какой десерт она любит. И когда чизкейк с фисташкой появился перед ней, я уловил в её взгляде понимание.

Она знала.

Знала, что я копался в её голове. От этого стало не по себе, будто я нарушил негласный договор, переступил черту.

Пришлось приложить максимум усилий, чтобы оставить её наедине с братом. Мне нужно было время. Время, чтобы привести мысли в порядок, чтобы понять, почему эта девушка так на меня действует.

Она невероятно красива. Её волосы с белоснежным отливом доходили до самой поясницы, если не ниже. А глаза... Голубые, холодные глаза, будто два застывших кубика льда. Её кожа была бледной, но я был уверен, если прикоснуться к ней, то она будет пылать.

Чтобы хоть немного отвлечься, я прошёл через лабиринты коридоров, остановившись у стены, украшенной мозаикой из чёрных и алых камней. Нажал на один из них — руна на поверхности камня вспыхнула, активируя проход.

Пространство вокруг исказилось, задрожало, как поверхность раскалённой лавы. Воздух наполнился запахом серы и чего-то сладкого, почти приторного. Я сделал шаг вперёд — и оказался в другом месте.

Перемещение заняло мгновение, но ощущения были яркими: на секунду тело потеряло вес, потом резко потяжелело, а в ушах зазвенело от перепада магического давления. Когда зрение прояснилось, я оказался посреди хаоса, который и назывался «пабом шестого круга».

Паб шестого круга — одно из немногих мест в Аду, где демоны могут ненадолго забыть о своей природе. Здесь стираются границы иерархии, и даже Князья могут оказаться всего лишь одним из танцующих силуэтов.

Он существует на стыке шестого и седьмого кругов. Это пространство, созданное древними демонами, подпитываемое энергией страстей, желаний и пороков. Говорят, что его основал сам Дьявол, когда устал от вечных интриг и захотел места, где можно просто... чувствовать.

Воздух густой, пропитан дымом благовоний, запахом алкоголя и серы. Свет мерцает, переливается оттенками багрового, фиолетового и чёрного. Звуки музыки проникают в кости, заставляя сердце биться в такт. Тени на стенах двигаются сами по себе, складываясь в змеиные образы.

Зал, кажется бесконечным — стены то появляются, то исчезают. В центре — танцпол, выложенный чёрным стеклом, под которым бурлят реки лавы. Барная стойка из цельного куска обсидиана, украшена рунами, мерцающими в такт музыке. Над баром — огромный экран, показывающий не видео, а образы желаний тех, кто находится в зале. Колонны обвиты живыми лозами с шипами, которые иногда шепчут пророчества или оскорбления.

В пабе грохотала музыка — не просто звук, а магия, заставляющая двигаться даже тех, кто давно забыл, что такое танец.

Вокруг мельтешили фигуры: демоны с крыльями, демоницы с вертикальными зрачками, существа с кожей, переливающейся, как нефть на воде. Но всё это было словно в другом измерении.

Я сел у барной стойки, заказал эль — тёмную жидкость, которая на вкус напоминала расплавленный металл и пепел. Вертел стакан в пальцах, пытаясь сосредоточиться на его весе, на холоде стекла, на запахе алкоголя. Но даже сквозь дым и музыку я видел её лицо, слышал её голос, чувствовал её запах — морозный, чистый, совсем не похожий на душливую атмосферу Ада.

— Ты сегодня молчалив, — раздался над ухом сладкий, чуть шипящий голос.

Я даже не повернул головы. Демоница скользнула на соседний стул, нарочито медленно поправила прядь огненно-рыжих волос.

— Может, тебе нужно... отвлечься? — она наклонилась ближе, и в воздухе разлился запах жжёного сахара и серы. — Я могу помочь.

Я наконец взглянул на неё — ярко-алые губы, глаза с вертикальными зрачками, кожа, мерцающая, как расплавленный агат. Когда-то подобное зрелище заставило бы меня улыбнуться. Теперь же я лишь пожал плечами:

— Не сегодня.

Она не отступила. Провела рукой по моему предплечью, стараясь добиться телесного контакта.

— Ты ранен? Или... очарован? — её голос стал ниже, обволакивая, как дым. — Я чувствую это. Что-то завладело твоим вниманием. *Кто-то*.

Я сжал стакан.

— Это не твоё дело.

— О, как резко! — Она рассмеялась, и звук этот походил на звон разбитого стекла. — Но ты забываешь: я вижу то, что скрыто. В твоих мыслях — лёд и пламя... Женщина. И она не из нашего круга. Возможно, даже не из нашего мира.

Я напрягся:

— Что ты знаешь?

— Ничего конкретного, лишь слухи, — она пожала плечами. — Говорят, что-то странное происходит с Адом. Он уже не тот, что прежде. Я слышала от Оракула, что грядёт переворот, сильнее предыдущего.

Я резко встал, не собираясь и дальше слушать этот бред. Чуть ли не каждые десять-двадцать лет Оракул предсказывает революцию в нашем мире.

— Спасибо за наблюдение.

— Подумай, Каэрон, — её голос догнал меня, когда я сделал пару шагов в сторону выхода. — Чужие миры опасны. А те, кто приходит из них, чаще приносят разрушения, чем любовь. Старейшины до сих пор хранят молчание о том, что случилось три тысячи лет назад.

Я обернулся. Она смотрела на меня немигающим взглядом, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— Зачем ты это говоришь?

— Потому что Оракул шепчет имя той, кто уничтожит Ад, — она понизила голос. — Или возведёт новый.

Я хотел спросить больше, но музыка взревела громче, поглотив её слова. Я вернулся во дворец, но её предупреждение эхом отдавалось в голове, а перед глазами снова вставало её лицо — ледяные глаза, белоснежные волосы.

«Пора спать», — решил я, наконец. Иначе все мысли так и будут крутиться вокруг неё.

И каково же было моё удивление, когда, открыв дверь своих покоев, я увидел её... Спящую в моей постели.

На секунду я замер, не веря своим глазам. Она что, издевается надо мной? Или это шутка Майкла? Может, брат решил, что моё длительное отсутствие лишило меня права на эти покои?

Чёрт.

Я медленно подошёл, боясь даже дышать. Она лежала, свернувшись калачиком, волосы разметались по подушке, дыхание ровное, спокойное. Такая беззащитная. Такая... смертная.

Сглотнув, я осторожно лёг рядом, стараясь не потревожить её сон. Сердце билось так громко, что, казалось, она вот-вот проснётся и сбежит, а я не мог этого допустить. Не сейчас. Не после того, как она сама нашла мой дом, мою постель, моё... сердце?

Я закрыл глаза, пытаюсь успокоиться. Но даже во тьме перед внутренним взором стояло её лицо.

Кто же ты на самом деле? И почему оказалась здесь?

Глава 3. В плену у Ада

«Я думал, что управляю этим миром. Пока в нём не появилась она и не показала, что я не управляю даже собой».

— Майкл.

Брат

Стоит говорить, что я почти не спал? Вряд ли.

Всю чёрную фазу я провёл в полудрёме, балансируя на грани сна и яви, а мысли были только о ней. О том, как она лежит рядом, такая близкая и в то же время недостижимая.

Она пару раз морщилась во сне, будто боролась с какими-то призраками, но я не смел прикоснуться, лишь наблюдал, впитывая каждую мелочь: как вздрагивают её ресницы, как чуть приоткрываются губы, как тихо, почти неслышно, она дышит.

И вот наступил алый рассвет. Она перекатилась на другой бок и вдруг оказалась прямо у меня на груди. Её рука, словно во сне ищущая опору, начала медленно двигаться вверх, пока не наткнулась на твёрдость моей кожи. В тот же миг она прощупала, что лежит не одна, и резко открыла глаза.

— А ты почему здесь?! — её голос прозвучал резко, почти обвиняюще.

И правда... Как объяснить то, что кажется очевидным?

— А где мне быть ещё, как не в своей комнате? — я наклонил голову вбок, встречаясь с ней взглядом.

В её глазах я заметил смесь удивления, недоверия и едва уловимой растерянности.

— В своей? То есть в твоей комнате? — она приподнялась, не отрывая от меня взгляда.

— Я так и сказал! Эта комната — моя, — ответил я, стараясь сохранить невозмутимость.

Но то, что произошло дальше, выбило меня из колеи. Она улыбнулась. Улыбнулась и сказала:

— Что-то слабо верится! — её рука, кстати, так и не покинула моей груди, будто сама не решалась отстраниться. — Здесь же и признаков жизни нет! В шкафу ни одной вещи, я же не зря выбрала её! — упрямо возразила она. Упрямая и дерзкая.

Я едва сдержал смешок.

— Как это нет? Куда ты дела мои вещи? — спросил, чувствуя, как внутри разгорается странное тепло.

— Я ничего не трогала. Здесь изначально было пусто.

Поднялся, нарочито медленно прошёл к шкафу. Она села, не отрывая взгляда от моей спины.

Открыв шкаф, я увидел, что Майкл и правда избавился от части моих вещей, видимо, решив, что моё длительное отсутствие даёт ему право на перестановки.

Чёртов идиот.

Я взял рубашку из тёмного шёлка и так же неспешно вернулся к ней. Она следила за мной, не моргая, её взгляд скользнул по моему торсу, задержался на мышцах, потом снова поднялся к лицу. Я положил рубашку рядом с ней на кровать.

— Раздевайся, — слово вырвалось резче, чем я планировал.

Она вздрогнула, подняла на меня глаза, полные недоумения.

— Что? — прошептала девушка.

Неужели испугалась?

— Можешь переодеться в это, — я указал на рубашку. — Сомневаюсь, что вместе с тобой сюда ещё и чемодан вещей упал. Чувствуй себя как дома, насколько это возможно. Я распоряжусь, чтобы тебе нашли подходящую одежду. А пока... — я вновь взглянул на свою рубашку. — Можешь брать мою.

Затем я просто ушёл.

Рассвет не успел начаться, а я уже чувствую, как внутри закипает раздражение. Или это не раздражение? Если так пойдёт и дальше, мне придётся искать новые покои, потому что я не смог бы выгнать её, и сомневаюсь, что она в восторге делить со мной одну постель.

Тьма

Вот так надо было повезти и выбрать его комнату себе! В самом кошмарном сне не могла представить, что проснусь, уткнувшись носом в голую грудь Каэрона.

Сердце до сих пор колотится, будто пытается вырваться из груди. Слишком странная реакция на него. Всем нутром я чувствовала опасность, но пока не могла уловить, в чём именно она кроется. Внешне всё спокойно, но под этой гладкой поверхностью словно бурлит раскалённая лава. А от его приказного тона: «Раздевайся», хотелось дать ему пощечину.

Я не из тех, кем можно командовать, не послушная кукла, которую можно переодеть по своему усмотрению. Но...

Я взяла его рубашку. Чёрную, шёлковую, от которой исходит удивительно нежный аромат — не парфюм, а что-то глубже, его запах. Как каминный дым: мягкий, древесный, обволакивающий, словно тёплое облако, с ног до головы, и от этого становится ещё тревожнее.

Я выхожу из «своей» комнаты, теперь уже точно понимая, что она вовсе не моя. Единственный знакомый мне маршрут — в столовую. Туда я и направляюсь.

Войдя, я замечаю Каэрона. Он сидит на противоположном конце длинного стола, словно владыкка этих мрачных чертогов. Я же, не раздумывая, занимаю то же место, куда вчера усадил меня Майкл, напротив Каэрона. Будто это моя законная территория.

Что я вообще здесь делаю? Мне нужно найти способ покинуть это место, а не разглядывать накаченные мышцы на руках Каэрона. Он словно специально закатал рукава рубахи, демонстрируя свои достоинства.

— Я совсем забыл поинтересоваться. Как прошла чёрная фаза? Выспалась? — голос Каэрона звучит мягко, но взгляд... будто он снова перебирает мои мысли, ищет слабые стороны. От этого осознания по спине бегут мурашки, и даже его красивые руки не помогают не думать об этом.

Чёрная фаза? Он говорит про ночь?

— Лучше, чем я предполагала, — осторожно отвечаю я, стараясь не выдать, насколько меня выбило из колеи утреннее пробуждение.

Взгляд все еще держится на его руках, на твёрдых уверенных пальцах.

— Ты выглядишь... задумчивой, — он чуть наклоняется вперёд, опираясь локтями о стол. — О чём думаешь?

Об утре, где ты был без рубашки.

— Пытаюсь понять, где я, — отвечаю я, пока он не прочитал в моих мыслях лишнего. — Всё вокруг такое... необычное. Эти стены, цвета, даже воздух. У вас тут всегда так?

Здесь было жутко, мрачно, тоскливо, и я уверена, что слышала, будто в воздухе кто-то шептал моё имя.

Каэрон на мгновение замирает, словно взвешивает слова.

— Так... по-разному. Зависит от настроения дворца, — он слегка улыбается, будто делится какой-то шуткой, понятной только ему. — Ты привыкла к другому?

Ну конечно, в моем мире у домов нет настроения.

— К другому — это к чему?

— К местам, где тени не шевелятся сами по себе, — его взгляд скользит по витражам, сквозь которые пробивается багровый свет. — Откуда ты?

Я на секунду задумываюсь. Как объяснить ему, что мой дом — это место с зелёными деревьями, голубым небом и утренним солнцем, которое не окрашивает всё вокруг в оттенки крови?

— Оттуда, где было... светлее, — наконец отвечаю я. — И тише. Не так... напряжённо.

Зачем он вообще об этом меня спрашивает? Я ведь чувствую его вмешательство в мои мысли, чувствую, как он рыщет в моей голове своим гипнотическим взглядом.

— Напряжённо? — он приподнимает бровь. — Ты чувствуешь напряжение?

— Да. Оно витает в воздухе. И в людях, — я бросаю на него быстрый взгляд. — В тебе тоже.

Каэрон неожиданно смеётся — негромко, искренне, и от этого звука что-то внутри меня расслабляется.

С ним было на удивление просто общаться. Почему так?

— Ты наблюдательна. Это хорошо. В этом месте это качество может спасти жизнь.

— В этом месте? — я цепляюсь за его слова. — А что это за место? Ты так и не сказал.

Я держала дыхание в ожидании его ответа.

Он делает паузу, задумчиво постукивая пальцами по столешнице.

— Давай пока просто назовём его «мой дом», — наконец произносит он. — Этого достаточно, пока ты здесь гостья.

Чёрт, не сказал.

— Гостья? — я усмехаюсь. — Звучит лучше, чем пленница.

— Определённо лучше, — он кивает. — И я бы хотел, чтобы ты чувствовала себя именно так. Поверь, не каждый заслуживает такого статуса.

Я изучаю его лицо — резкие черты, серые глаза, в которых мелькает заинтересованность. Он явно что-то скрывает, но в его словах нет угрозы. По крайней мере, сейчас.

— А твой брат? — решаюсь спросить я. — Он тоже считает меня гостьей?

От него я чувствовала тёмную энергию, и потому мне не хотелось пересекаться с ним лишний раз.

— Майкл... — Каэрон слегка хмурится. — Он бывает импульсивным. Но он не причинит тебе вреда. По крайней мере, пока я рядом.

В его голосе звучит такая уверенность, что я невольно верю ему.

— Спасибо, — тихо говорю я. — За защиту. И за рубашку. Она... очень удобная.

— Рад, что подошла, — в его глазах появляется тёплый блеск. — Если хочешь, я могу показать тебе дворец. Не всё сразу, конечно — он улыбается, — но хотя бы основные места. Так тебе будет проще ориентироваться.

— Было бы неплохо, — я невольно улыбаюсь в ответ, и не рискую сказать, что не собираюсь оставаться в этом месте надолго. — А то я уже успела заблудиться в трёх коридорах.

Каэрон смеётся снова, и на этот раз смех звучит ещё более расслабленно.

— Значит, договорились?

— Договорились, — киваю я.

Насколько мой новый «друг» расстроится, когда узнает, что я всё же сбегу от него?

Каэрон продолжал что-то рассказывать — размеренно, почти убаюкивающе. Его голос звучал ровно, интонации плавные, будто он читал старинную балладу. Я кивала, делая вид, что внимательно слушаю, но мой взгляд невольно скользил по столу, задерживаясь на блюдах.

Что-то было не так. Сначала я не могла уловить, в чём дело, — всё выглядело почти привычно. Хлеб, мясо, овощи, рыба, чай... Но стоило присмотреться, как ощущение нереальности усилилось.

Хлеб на тарелке казался свежим, золотистым, но когда я коснулась его, пальцы ощутили не мягкую корочку, а что-то сухое, почти пыльное. Отломив кусочек, я замерла: он мгновенно восстановился, словно никогда и не был надломлен.

Рядом лежал стейк — сочный, с аппетитной корочкой. Но когда я провела ножом по поверхности, раздался тихий, едва уловимый стон, будто кто-то вздохнул от боли.

На срезе куриного филе обнаружился узор из вен, напоминающий человеческие сосуды. Рыба, запечённая целиком, вдруг моргнула — один глаз медленно приоткрылся и уставился на меня. Макароны на тарелке удлинялись, пока я смотрела на них, словно живые нити. Рис на краю блюда чуть слышно шептал что-то неразборчивое, будто переговаривался сам с собой. Блины рядом сложились в очертания когтистой лапы — и тут же расправились обратно.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Что это? Иллюзия? Заклинание? Или...

В этот момент меня пронзило странное ощущение — будто кто-то смотрит. Не просто наблюдает, а изучает, взвешивает, оценивает. Я невольно подняла голову, быстро огляделась. В столовой никого, кроме нас с Каэроном. Он увлечённо говорил, жестикулировал, не замечая моего замешательства.

Но чувство взгляда не исчезало. Оно шло откуда-то сбоку, из тени у стены, из-за колонны, из самого воздуха. Я едва сдержалась, чтобы не обернуться резко — вместо этого мельком скользнула взглядом по залу, проверяя, нет ли кого-то ещё. Никого. Только мерцание магических кристаллов на стенах, только тени, шевелящиеся сами по себе.

Каэрон всё говорил, его голос звучал где-то далеко, будто сквозь толщу воды. Я сглотнула, пытаюсь сосредоточиться. Еда живая. Вот что не так. Она дышит, шевелится, шепчет. И это не игра воображения.

— Каэрон, — мой голос прозвучал чуть хрипло, и он наконец замолчал, вопросительно глядя на меня. — Что это за еда? Она... живая?

Каэрон на мгновение замер, потом слегка нахмурился, переводя взгляд с меня на блюда и обратно.

— Живая? — переспросил он, искренне недоумевая. — О чём ты, Валери? Это просто еда. Жареная рыба, мясо, хлеб... Обычная еда.

Он взял кусок рыбы с тарелки, демонстративно откусил и с лёгкой улыбкой посмотрел на меня:

— Видишь? Всё в порядке. Ничего необычного.

Я покачала головой, чувствуя, как нарастает отчаяние.

— Но она *смотрит* на меня! — я указала на рыбу, чей глаз всё ещё был приоткрыт и будто следил за каждым моим движением. — И стейк... он стонал, когда я его резала! А блины... посмотри, они снова складываются в какой-то узор!

Каэрон проследил за моим взглядом — и вдруг его лицо изменилось. До него наконец дошло. Он медленно положил вилку, откинулся на спинку стула и провёл рукой по волосам. На его лице отразилось искреннее замешательство, почти смущение.

— О... — тихо произнёс он. — Теперь я понял. Прости. Я совсем не подумал, что для тебя это может выглядеть... странно.

Он помолчал, подбирая слова.

— В моём мире всё так. Еда, камни, даже воздух — всё имеет свою природу, свою энергию. Мы к этому привыкли. Но для кого-то извне... да, наверное, это выглядит пугающе.

Его взгляд смягчился.

— Прости, что не предупредил заранее. Я просто не мог представить, что кто-то увидит в этом что-то необычное.

— То есть для вас это нормально? — осторожно уточнила я. — Вы каждый день едите то, что... дышит, смотрит, шепчет?

Чёрт возьми, в какой же Ад меня занесло?

Каэрон слегка улыбнулся — на этот раз не насмешливо, а почти виновато.

— Да, нормально. Это просто часть этого мира.

Он наклонился вперёд, глядя мне прямо в глаза.

— Послушай, Валери. Я понимаю, что это всё кажется тебе странным, пугающим. Но ты не одна. Я помогу тебе освоиться. Давай поступим так: сегодня мы просто уберём эту еду и я попрошу принести для тебя что-нибудь попроще — то, что не будет тебя тревожить. А потом, если захочешь, я покажу тебе другие блюда, объясню, почему они такие. Медленно, шаг за шагом. Идёт?

Нет, не идёт. Я не собираюсь мириться с тем, что застряла в этом сумасшедшем месте!

А может, плевать на всё? Сорваться прямо сейчас? Бежать без оглядки и узнать, куда меня это приведет?

Конечно, я знаю куда, в когти тех чудовищ за стенами дворца. Поэтому приходится проглотить все гневные слова и просто согласиться с Каэроном.

— Спасибо, — тихо сказала я. — Да, так будет лучше.

Каэрон хлопнул в ладоши, и тут же в дверях появились слуги.

Может это они за нами следили?

— Уберите это, — он махнул рукой в сторону стола. — Принесите фрукты, орехи, простой хлеб и чай. Ничего... подвижного.

Слуги почтительно склонились и принялись убирать тарелки. Каэрон снова повернулся ко мне.

— Видишь? Уже лучше. А когда привыкнешь, может, даже найдёшь в этом свою прелесть. В конце концов, мир, где еда умеет рассказывать истории, не так уж плох, правда?

Он не просто «не так уж плох», он — ужасен.

Я жала край скатерти, чувствуя, как внутри нарастает чувство, которое я не испытывала уже многие годы. Тревога.

Мой взгляд скользнул по обстановке в целом. На стене над входом в столовую я замечаю часы. На них лишь две стрелки, и движутся они слишком быстро. Или это мне только кажется? Неужели время здесь течёт иначе? Сколько на самом деле я здесь провела часов? Дней?

Всё это место словно мой обычный мир, просто вывернутый наизнанку. Словно всё это — Ад. Почему я здесь? Почему именно я оказалась в этом дворце, за этим столом? И самое главное — как, чёрт возьми, мне выбраться отсюда?

Ощущение чужого присутствия не пропало. Кто-то всё ещё наблюдал за нами. И этот кто-то, кажется, ждал, что будет дальше.

Мне здесь не место.

К еде я так и не притронулась, но вот чай выпила. Он на удивление был обычным, с привкусом трав.

Я тихо встаю из-за стола, говорю Каэруну, что хочу побыть одна и, не дожидаясь ответа, направляюсь к выходу.

Коридоры дворца кажутся бесконечными. Я иду наугад, сворачиваю то влево, то вправо, надеясь найти какое-нибудь укромное место, где можно перевести дух и собраться с мыслями.

Всё вокруг такое чужое: стены, покрытые мерцающими рунами, которые то вспыхивают, то гаснут, словно дышат; тени, шевелящиеся независимо от источников света; воздух, насыщенный запахом серы и чего-то ещё — древнего, могущественного.

Каждый шаг отдавался эхом — будто не я иду, а кто-то невидимый повторяет мои движения где-то за спиной.

Как же мне вернуться домой? Меня сожгли на костре вместе с остальными... Почему здесь только я? Где остальные ведьмы ковена?

Вспомнилось небо над головой — настоящее, голубое, с пушистыми облаками. Солнце, согревающее кожу. Ветер, играющий волосами. Здесь же — только алое светило, бросающее на всё багровые отблески, и вечная полутьма, давящая на плечи.

Это загробный мир?

Но почему он так похож на наш, только вывернутый наизнанку? Почему здесь есть люди — или те, кто на них похож?

Из бокового прохода вышли слуги. Их было трое. Они двигались бесшумно, почти скользя по полу. Одеты в одинаковые ливреи тёмно-бордового цвета с чёрной отделкой, напоминающей трещины в камне. Лица бледные, почти восковые, глаза — пустые, безжизненные, но в них таится что-то пугающее, будто за этой пустотой скрывается древняя, чуждая разумность.

Они заметили меня и замерли. Затем, не говоря ни слова, отступили к стене, пропуская меня вперёд. Один из них слегка склонил голову — не в поклоне, а скорее в каком-то странном, ритуальном жесте.

Их взгляды скользили по мне, изучали, оценивали — и в этом взгляде читался страх. Страх передо мной.

Невольно я замедлила шаг. Что они знают? Почему бояться?

Я не чувствую страха — я вообще ничего не чувствую, словно внутри меня пустота. Но они видят во мне угрозу. Возможно, они знают что-то, чего не знаю я.

Я лишена души и чувств. Но они этого не знают. Они видят во мне силу, опасность. И, кажется, не ошибаются.

Пошла дальше, стараясь не обращать внимания на их взгляды. Коридоры сплетались в лабиринт, повороты повторялись, а стены словно сдвигались за спиной.

Я шла наугад, пока не поняла, что уже узнаю эти места — массивные двери с резными узорами, узкий проход с трещиной в полу, зеркало в тяжёлой раме, отражающее не меня, а какие-то смутные тени.

Это был путь к «моей» комнате.

Другого места, где можно спрятаться от всего этого, у меня не было.

Войдя внутрь, я плотно закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Тишина.

Хотя нет — где-то далеко, за стенами, слышался гул, низкий и монотонный, будто биение огромного сердца.

Я подошла к окну. За ним простирался тот же мрачный пейзаж: чёрные шпили башен, извивающиеся тропы, алое небо. Никакого солнца, никакого ветра. Только тяжесть, давящая со всех сторон.

— Как выбраться отсюда? — снова и снова крутилась мысль. — И главное — кто я теперь? Что осталось от той девушки, которую сожгли на костре?

Я опустилась на край кровати, невидящим взглядом уставившись в стену. В голове звучали слова, сказанные кем-то когда-то: «Ведьмы не умирают. Они переходят в другие формы».

Возможно, это и есть моя новая форма. Но что она собой представляет?

— Ну хватит, Валери! — приказываю сама себе. — Если бы меня сейчас видела старейшина Агата, она бы с позором отсчитала бы меня! Возьми себя в руки!

Я воспользовалась моментом и проштудировала каждый уголок, каждую полочку, каждую щель в комнате. Осмотрела резные панели на стенах, проверила массивный шкаф. Пустой, как и ожидалось.

Помнится мне, утром Каэрон говорил, что мне предоставят собственные вещи. Я потрогала тяжёлые шторы, за которыми прятался вид на багровые горы. В принципе, тут было не так плохо, даже уютно. Комната мне нравится, и, похоже, Каэрону придётся искать себе новую.

Я лежала на кровати, лениво листая какую-то старинную книгу с пожелтевшими страницами, когда дверь распахнулась без стука. Он вошёл так, будто имел на это полное право, а может, и вправду имел. Прошёл до кровати, остановился, сложив руки на груди. Его поза говорила больше, чем слова: «Я здесь хозяин. И ты это знаешь».

Взгляд скользнул по мне, задержался на раскрытой книге, потом вернулся к лицу. Молчание длилось несколько секунд — долгих, тягучих, наполненных невысказанными вопросами.

— Думаю, нам пора поговорить. Пройдёмся? — наконец произнёс Майкл, и в голосе прозвучало что-то новое. Не приказ, не требование, а предложение. Почти вежливое.

Я замерла на миг, взвешивая варианты. Отказать? Но чем тогда занять себя в этом дворце, где каждый коридор шепчет тайны, а каждый взгляд братьев обжигает? Согласиться? А вдруг это ловушка?

Но делать всё равно было нечего. Мне нужны были ответы на вопросы, которых накопилось немало.

— Хорошо, — сказала я, откладывая книгу. — Давай, пройдемся.

Соперник

До самого алого рассвета я просидел в кабинете, разгребая бумажную работу.

— Какой вообще кретин этим занимался до меня? — выругался я, перебирая стопки документов с криво выведенными подписями и бессмысленными формулировками. Пальцы сжимались от раздражения, вот бы отыскать того, кто всё это наворотил, да оторвать ему руки...

Я лишь пару десятилетий назад занял место Князя шестого круга Ада. До меня был Эдгар — он, как и остальные Князья, занял свой пост три тысячи лет назад. Властный, расчётливый, он держал круг в железном кулаке, но при этом умудрялся не нарушать хрупкий баланс сил с соседними кругами. Впрочем, баланс не спас его от роковой ошибки.

Всё случилось на очередном собрании высших демонов. Эдгар позволил себе лишнее, бросил вызов самому Вельзевулу, заявив, что шестой круг недополучает ресурсов. Слова, конечно, были лишь предлогом. Истинная причина крылась в давней вражде, в уязвлённой гордости, в жажде первенства. Но Вельзевул не прощает дерзости. В тот же вечер Эдгара нашли в его покоях — обезглавленного.

Высшие демоны выбрали меня следующим Князем круга. Не из благоволения, нет. Я был удобен: достаточно силён, чтобы удержать власть, но не настолько влиятелен, чтобы угрожать их положению. Они думали, что я стану марионеткой. О, как они ошибались.

С тех пор я здесь всё переделываю. Ломаю устоявшиеся схемы, переписываю законы, меняю правила. Убираю лазейки, через которые утекали ресурсы. Закрываю теневые сделки, которые велись десятилетиями. Навожу порядок там, где веками царил хаос.

Каждый документ, который я подписываю, это шаг к укреплению моей власти. Каждая исправленная формулировка — кирпич в фундаменте новой системы. Я устанавливаю лучшие для себя условия и на достигнутом останавливаться не собираюсь.

Сейчас, глядя на эти горы бумаг, я понимаю: Эдгар не был глупцом. Он был ленив. Ему хватало видимого порядка, он не вникал в детали, не искал слабые места. А я ишу. И нахожу.

Время близилось к алому рассвету — за окном проблеск красного света. Я откинулся в кресле, размял затекшую шею. Впереди ещё много работы, но я знаю: через век-другой от старого порядка не останется и следа. Скоро не только круги, но и весь Ад будет моим. Полностью. Без оговорок. Без компромиссов.

Едва эта мысль оформилась, в памяти вспыхнул новый образ — бледное лицо, пепельные волосы, ледяной взгляд.

Кто она? Откуда? Как она оказалась здесь? Какой была её жизнь прежде? Эти вопросы возникали в голове, но без эмоций — скорее из чистого любопытства. Она была смертной, и её присутствие в Аду казалось мне нелепым совпадением.

Что Каэрон в ней нашёл? В Аду хватало изящных и привлекательных демониц — сильных, ярких, привычных к здешним правилам. А он словно заиклился на этой смертной. Может, она приворожила его? Мысль была забавной, но я тут же отбросил её — слишком примитивно.

Теперь даже воздух здесь другой — тяжёлый, насыщенный магией и... её присутствием.

Я выхожу из кабинета, желая размяться. И звук голосов заставляет меня замереть возле дверей в столовую. Незаметно заглядываю внутрь.

Они здесь. Каэрон сидит в конце длинного стола, расслабленный, и умиротворённый, будто он держит невидимую нить, связывающую его с ней. А она...

Валери. Сидит на моём кресле, том самом, куда я усадил её вчера, напротив Каэрона на противоположном конце стола. Тогда это было нужно для разговора, чтобы видеть её лицо, считывать её реакцию, не упускать ни единого взгляда. Но сейчас... Почему это выглядит так, будто она заняла место, которое ей *не принадлежит*? Или, наоборот, *принадлежит слишком сильно*?

Я прислушиваюсь. Слышу, как Каэрон обещает показать ей дворец, как она смущается из-за еды.

И что с едой не так — для меня всё выглядит обычно.

А какой он, её мир? Какая еда в её мире? Вопросы, на которые ответы мне недоступны, как и всем остальным демонам. Мне бы хотелось узнать, что находится там, за гранью нашего Ада, но не ради неё, а ради знания как такового.

Я продолжаю наблюдать, отмечая детали её внешности: как она поправляет прядь пепельных волос, как хмурит брови, когда разглядывает блины, складывающиеся в странные узоры.

Но самое странное в ней — её глаза. Холодные, сапфировые и пустые. В этих глазах нет жизни, нет эмоций. Неужели Каэрон этого не замечает?

Я перевожу взгляд на брата. Каэрон смотрит на Валери — словно она самое ценное, что когда-либо было в Аду, в его бесконечной жизни. Неужели он действительно так увлечён?

Мы с Каэроном никогда не были так близки. Мы не сидели так и не разговаривали обо всём на свете. Наше общение всегда было чужим и отстранённым.

Чем дольше я смотрю, тем отчётливее понимаю: она — загадка. Просто ещё одна странность в мире, где странностей и так хватает.

Следом она встаёт из-за стола, тихо говорит Каэрону, что хочет побыть одна, и направляется к выходу. Я отступаю в тень, чтобы не выдать своего присутствия, и следую за ней тайком.

Может мне и нет до неё никакого дела, но я всё же должен выяснить, как она оказалась в Аду и из какого мира пришла к нам.

Валери идёт по коридорам, сворачивает, останавливается у одной из дверей и входит внутрь.

Я замираю.

Этого я не ожидал. Почему она пришла сюда? Неужели, когда я сказал «выбирать любую пустую комнату», Валери выбрала именно эту? Ту, что принадлежала моему брату?

— Чёрт, — выругался я. К этому я не был готов.

В груди вспыхнула волна противоречивых чувств: сначала недоверие — может, она просто ошиблась дверью? Потом — лёгкое раздражение. Неужели они были вместе? Неужели между ними произошло то, чего я не заметил?

Перед глазами всплыла картина: Валери и Каэрон за столом, их взгляды, разговор, поддержка. Тогда я не придавал этому значения — а теперь всё складывалось в непонятную мозаику.

Как глубоко эта ведьма пустила корни в моего брата?

Раздражение и любопытство сильнее разгорелись в груди, смешиваясь с досадой. Я не испытывал к ней ненависти — она была мне безразлична. Но я не понимал Каэрона. В ней не было ничего ценного — обычная смертная, необъяснимым образом оказавшаяся в Аду. Так почему он так ею увлёкся?

Я снова посмотрел на дверь. Она казалась мне порталом в иной мир — мир, где Каэрон искренне улыбается, где он готов идти навстречу, объяснять, успокаивать. Мир, в котором есть место для Валери — и нет места мне.

Почему у меня такое чувство, что эта девушка меняет всё вокруг, даже не прилагая усилий?

Но что если... Что если я могу использовать одержимость своего брата себе на пользу? Мне нужно, чтобы Каэрон помогал мне, был рядом и поддерживал в грядущих событиях. И пока Валери здесь, пока она жива и невредима — брат тоже здесь. У него больше не будет возникать поводов пропадать на несколько месяцев.

План был недоработанный, но всё же план. Теперь мне осталось более менее наладить общение с этой смертной, хоть и хотелось мне обратного. Она... пугала меня.

Я поднял руку, чтобы обхватить ручку двери, но остановился.

Что я ей скажу?

«Прости, но лучше не доверяй мне, ведь я планирую тебя использовать?»

Или:

«Я хочу, чтобы вы с Каэроном стали лучшими друзьями. Он отличный демон?»

Или:

«У меня есть подозрения, что ты уничтожишь мой хрупкий Ад своим присутствием?»

Нет.

Нужно просто... поговорить, узнать её лучше. Понять, что Каэрон нашёл в этой девушке. Разобраться, как она влияет на брата.

Сделав глубокий вдох, я сделал шаг вперёд. Пора было выяснить, что эта смертная из себя представляет.

— Ты так ничего и не рассказала о себе. Откуда ты? Как оказалась здесь? — спросил я, когда мы медленно шли по коридору, где тени танцевали в лучах красного света.

— Я с Земли, — ответила она просто, будто это было самое обычное место во вселенной.

— Земля? — я нахмурился. Как она сюда попала? Что заставило её пересечь границы миров? — Как же ты... выбралась оттуда? — спросил, останавливаясь и глядя под ноги, будто искал ответы в мраморных плитах. Затем поднял на неё взгляд, полный серьёзности.

Валери посмотрела под ноги, затем на меня, снова под ноги и снова на меня. Поняв, что я подумал, будто она буквально вылезла из земли, округлила глаза:

— Что? Я говорила про планету Земля! А не ту землю, что мог подумать ты!

Она так мило паникует. Я не смог сдержать смех.

Чёрт, это плохо.

— Ты... меня разыграл? — её голос дрогнул, но в нём уже звучала улыбка.

— Прости, хотел поднять тебе настроение! Получилось? — я кивнул в сторону балкона, куда мы как раз подошли.

Это было моё любимое место во дворце — укромный уголок на самом верху, с выходом на балкон, откуда открывался вид на весь круг.

— Получилось! А я-то уже думала, только один брат весёлый, — она улыбнулась, и от этой улыбки что-то внутри меня дрогнуло.

Веселый? Значит, они действительно пообщались достаточно, чтобы лучше друг друга узнать.

Что ж, друзья мои, надеюсь эта дружба продлится вечно.

Я завёл её на балкон, наблюдая за реакцией.

Вид был невероятным: впереди высоченный вулкан, извергающий багровые потоки лавы, смешивающиеся с грозowymi тучами, раскалывающимися от молний. Воздух дрожал от жара, а вдалеке слышался гул — вечный, неумолчный, как биение сердца этого мира. Моего мира.

Признаюсь, я ожидал удивления в её взгляде, может, даже страха. Но она оставалась совершенно спокойной. Даже... холодной.

Я уже говорил о её безжизненных глазах?

— Красиво, — только и сказала она.

Как можно быть настолько безэмоциональной? Что же привлекло брата в ней?

— Мы двигались к городу, убеждённые в праведности нашего дела, и перед нами выросла крепость. Со всех сторон её обступала огромная равнина, где горе и мучения стали плотью земли. Могилы пылали, испускали свет, жарче которого бывает лишь железо в руках мастера. И в этом зареве звучали страшные крики, так вопят лишь те, кто познал подлинное несчастье, кто изнемогает в страданиях и уже не вернётся к свету, — процитировал я, глядя на город. — Примерно так описывают мою столицу.

— Напомни ещё раз, что это за место? — спросила Валери, и я почувствовал, как внутри что-то сжалось.

Не хотелось ей этого рассказывать.

Не хотелось, чтобы её чистые сапфировые глаза увидели тьму, которая здесь царит.

Мысленно я отдернул себя.

А почему собственно меня волнует её реакция?

— Огненный город, столица подземного мира, расположенная на шестом круге Ада, — заговорил я, не отрывая от неё взгляда. — В его чертогах обретают покой некрещёные души, а вслед за ними погрязшие в грехах: в ненасытной похоти, в обжорстве, в скупости и в расточительстве без меры. У пылающих стен, на рубежах города, терзаются гневливые и преисполненные злобой. За ними следуют те, кто творил зло по умыслу. В самих твердынях города томятся еретики: отринув веру в бессмертие, они навеки замурованы в гробницах, объятых пламенем. У обломков Огнеграда влачат существование обманщики, мошенники и, в финале, предатели.

Она слушала внимательно, не перебивая, её взгляд скользил по городу, впитывая каждую деталь. И не скажу, что она была сильно удивлена.

— А, ну так бы и сказал, что мы в Аду! — её умозаключение было точным.

— Одним словом, да, — кивнул я.

Её невозмутимость застала меня врасплох.

— Ты не боишься? — спросил я, невольно подаваясь вперёд. — Не чувствуешь угрозы?

Она повернулась ко мне, слегка склонив голову набок.

— А должна?

В её глазах я не видел ничего, кроме бесконечного, удушающего холода.

И вот теперь я понял, насколько она представляет опасность для всего нашего мира. Ведь если она ничего не боится, то ей нечего терять.

— Большинство на твоём месте уже бы кричали или пытались сбежать, — я усмехнулся, но в голосе прозвучала нотка искреннего любопытства.

Эта девушка начала пугать *меня*, вместо того, чтобы напугаться *самой*.

— Кричать? Сбегать? — она чуть приподняла бровь. — Зачем? Я уже поняла, что это не обычный мир. И раз я здесь, значит, есть причина. Лучше понять правила игры, чем метаться в панике.

Её рассудительность поразила меня.

Как так вышло, что какая-то смертная, случайно оказавшаяся в Аду девушка, приводила меня в ужас?

— Ты говоришь так, будто уже не в первый раз оказываешься в незнакомом месте, — заметил я.

— В каком-то смысле так и есть, — она опустила взгляд на свои руки, будто разглядывая что-то только ей видимое. — Уже очень давно я не чувствую страха, не чувствую боли. Словно кто-то вырезал эти ощущения из меня.

Я невольно сделал шаг ближе, хотя хотелось сделать десять назад.

— И что ты чувствуешь вместо этого?

— Пустоту, — просто ответила она. — Но не ту, что ты думаешь...

Эта девушка была одной сплошной загадкой, и каждый новый ответ, рождал новые вопросы. И опасения.

— Если я в Аду... то ты и Каэрон тогда... — она подняла взгляд на меня, и тут мне захотелось провалиться сквозь эту самую землю. — Вы демоны?

Я кивнул.

Валери отвернулась обратно, смотря на пылающий вулкан, будто переваривая информацию.

И вдруг произнесла:

— А это что?

Я проследил за её взглядом и замер. К нам приближались три фигуры, чёрные, крылатые, с горящими глазами.

Ящеры.

Чёрт!

Я ожидал, что так и будет! И Валери не должна была это увидеть.

— Чёрт! — я схватил её за руку и мгновенно переместил нас обратно в её комнату. — Сиди здесь и не смей выходить! И никого, кроме меня или брата, не впускай, поняла? — голос дрожал от злости, но не на неё, а на себя, на брата, на весь этот проклятый Ад.

— Хорошо, — её ответ прозвучал тихо, но твёрдо.

Нужно найти брата и избавиться от этих тварей.

Тьма

Испытала ли я шок от известия, что я попала в Ад?

Нет.

Внутри всё оставалось пусто. Мозг фиксировал факт, но не окрашивал его эмоциями — ни ужаса, ни неверия, ни паники.

Я в Аду?

Ладно.

В небе парят крылатые создания?

Ну и пусть.

Мир резко перевернулся и я телепортировалась в свою комнату?

Плевать.

Майкл сильно сжал мою руку так, что, кажется, я слышала хруст косточек.

— Сиди в комнате и не смей из неё выходить! И никого, кроме меня или брата, не впускай, поняла! — его голос звучал как приказ, от которого по спине пробежал холодок.

Ненавижу, когда мне указывают.

— Хорошо, — ответила я, но это «хорошо» было лишь формальностью.

Он вышел, оставив меня в непонимание.

И какого чёрта у них происходит?

Внутри всё бунтовало. Звуки, доносившиеся за пределами дворца, скрежет металла, глухие удары, звериное рычание не радовали, но... С каких это пор я прячу хвост и подчиняюсь кому-то?

— К чёрту их правила! — не раздумывая, я вышла из комнаты.

В коридоре царила крошечная тьма, будто сам дворец решил скрыть от меня путь.

Надо же, даже слуги отсутствовали. Неужели кто-то напал на дворец?

Я двинулась вперёд, спускаясь на первый этаж, и вдруг из фойе донеслись мерзкие звуки — скрежет когтей по камню, хриплое дыхание, будто кто-то... жевал.

Я была бы не я, если бы не решила проверить, кому они принадлежат. Вошла в помещение и замерла. В нескольких метрах от меня стояло... чудовище. Огромное, с чешуйчатой кожей, горящими глазами и клыками, торчащими из пасти.

Кажется, это был тот самый ящер, что парил в небе.

Он повернул голову в мою сторону, и я поняла — он *чувствует* меня.

Я уже забыла, что означает чувство страха. Меня в принципе невозможно чем-то напугать или удивить — из-за отсутствия души я научилась встречать опасность с холодным взглядом и равнодушием.

Даже то, что я оказалась в Аду после «смерти», меня не сильно впечатлило. Ну Ад. Ну тьма. Ну пламя, что лижет камни, и тени, что шевелятся без ветра. Всё это лишь декорации, лишь иная форма реальности.

Но встретить такое чудовище я не планировала. Хотя в ковене меня и обучали, рассказывали о разном — о тварях, которыми полон мой мир, — я думала, что готова ко всему.

Оборотни, чьи клыки рвут сталь. Перевертыши, меняющие облик быстрее, чем ветер меняет направление. Твари низшего порядка, питающиеся страхом. Духи, плетущие сети из чужих снов. Я знала их повадки, их слабости, их имена.

Но это... Это было иное.

Я стояла, не в силах пошевелиться, и в голове билась единственная мысль: «Оно не должно существовать». Не здесь. Не вообще.

Тварь оскалилась и шагнула в мою сторону.

— Я не боюсь тебя, — прошептала я, сжимая кулаки. Пальцы уже ощутили окружающую энергию, ожидая лишь прикосновения. — Ты не первый кошмар, с которым я встречаюсь. И не последний.

Чудище сделало еще шаг ко мне, и этого было достаточно. Моя ладонь легко коснулась его — и я почувствовала, как жизненная энергия монстра перетекает ко мне по венам. Вязкая, тёмная, почти осязаемая сила заструилась сквозь меня, наполняя каждую клеточку тела незнакомым, первобытным могуществом. А затем, как обычно это происходит — энергия провалилась в пустоту внутри меня. Тварь, лишившись магии, беззвучно осела на пол и замертво распростёрлась передо мной.

Я сделала несколько шагов назад, пока не упёрлась спиной в холодную каменную стену. В этот миг в фойе ворвался встревоженный Каэрон. Его взгляд метнулся ко мне, и в глазах отразилось неподдельное облегчение, тут же сменившееся тревогой. Он быстро оценил обстановку: моё бледное лицо, дрожащие руки, неподвижное тело монстра на полу.

— Валери, ты в порядке? — он стремительно подошёл ко мне, осторожно взял за плечи, словно боялся, что я рассыплюсь от одного прикосновения. — Майкл сказал, что ты в комнате. Как ты здесь оказалась?

Ого, его забота была неожиданной и приятной.

Его голос звучал мягко, почти нежно, а пальцы слегка дрожали, будто он с трудом сдерживал эмоции.

— Я... — попыталась ответить я, лихорадочно подыскивая слова. — Я услышала странные звуки и подумала, вдруг кому-то понадобится помощь, поэтому вышла из комнаты. А когда спустилась сюда, то... — я ненадолго замолчала, подбирая слова, — это, — кивнула на монстра на полу, — уже лежало так.

Каэрон внимательно посмотрел на меня, потом на тело существа, наклонился, принял и резко выпрямился.

— Что с остальными? — раздался холодный голос.

Я почти вздрогнула. А пальцы Каэрона обхватили мою ладонь.

В фойе вошёл Майкл. Его лицо было абсолютно бесстрастным, словно высеченным из камня, а взгляд — ледяным и равнодушным. Он окинул взглядом сцену: Каэрона, стоящего рядом со мной, меня, прижавшуюся к стене, и мёртвого монстра на полу.

— Устранены. Стражи подоспели вовремя, — коротко ответил Каэрон. — Что это с ним? Никогда прежде такого не видел.

Я сжала ладонь Каэрона, чувствуя, как под кожей снова начинает пульсировать чужая сила. Нужно было держать себя в руках.

— Ты в порядке? — снова обратился ко мне Каэрон, его голос был полон искренней заботы.

— Да. Я же сказала, что нашла его уже таким. В коридорах никого не видела. Никто меня не тронул, — ответила я, стараясь не думать о том, насколько тёплая у него ладонь.

Майкл сделал шаг вперёд, его взгляд скользнул по мне, затем по брату.

— Каэрон, — произнёс он ровным, бесстрастным тоном, — уведи её обратно в комнату. И на этот раз убедись, что она останется там.

Каэрон на мгновение замер, его пальцы чуть сильнее сжали мою ладонь. Затем он кивнул:

— Пойдём, Валери, — мягко, но твёрдо сказал он, слегка подталкивая меня к выходу. — Давай вернёмся в твою комнату.

Мы быстро дошли до комнаты — молча, но в этой тишине не было отчуждения, скорее какая-то напряжённая забота. Каэрон открыл дверь, жестом пригласил меня войти. Внутри всё противилось — я не привыкла подчиняться, не привыкла быть пешкой в чужой игре. Но пришлось сделать шаг.

Зайдя в комнату, я обернулась:

— И это всё?

— А чего ещё ты ждёшь? — его голос звучал мягко, но я видела, что он не хотел уходить.

— Как минимум объяснений!

— Вот в чёрную фазу и поболтаем, — бросил он, уже разворачиваясь, чтобы уйти.

Да что с ним, чёрт возьми, такое? Он ведь минуту назад буквально не выпускал меня из рук, а сейчас словно нарочно бежит!

— Каэрон! — я сделала резкий шаг к нему, сама не понимая, чего хотела. — Поговори со мной!

Он обернулся. Его взгляд скользнул по мне — медленно, оценивающе, будто он впервые видел меня по-настоящему.

— Ты ведь понимаешь, что это абсурд? Я не сделала ничего плохого.

— Я знаю.

— Тогда почему ты послушал Майкла? — я не смогла скрыть упрёка в голосе. — Почему позволяешь запереть меня здесь, как какую-то опасную зверюшку?

Каэрон вздохнул и отпустил ручку двери.

— Потому что впервые наше мнение совпало. То, что случилось внизу... Эти существа не должны были проникнуть во дворец. А ты... — он замолчал на мгновение, его взгляд стал пронзительным, будто проникал прямо в сознание. — Ты оказалась в самом эпицентре. И, похоже, знаешь больше, чем показываешь.

Я невольно напряглась.

— О чём ты?

Он слегка склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то или кому-то внутри меня.

— В тебе есть нечто особенное, Валери, — произнёс он тихо.

Его слова повисли между нами, тяжёлые и многозначительные. Я почувствовала, как внутри всё сжалось: *он знает*. Не всё, но достаточно, чтобы догадаться. Возможно, он снова копался в моих мыслях — осторожно, почти незаметно, но достаточно, чтобы уловить отголоски того, что произошло внизу.

Я сглотнула.

— Значит, ты боишься меня?

— Боюсь *за* тебя, — поправил он. — Потому что если Майкл поймёт, на что ты способна... Он перестанет видеть в тебе гостью, и станет видеть угрозу. Или инструмент.

Мы замолчали. Я пыталась осознать сказанное. Он не произнёс прямо: «Я видел, как ты поглотила энергию монстра». Но его слова и взгляд — всё указывало на то, что он в курсе.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила я наконец. — Почему не расскажешь брату? Я ведь тебе никто.

Каэрон слегка улыбнулся — грустно и как-то по-человечески.

— Ложись спать, Валери. Завтра будет тяжёлый рассвет.

Я кивнула и отступила вглубь комнаты. Каэрон ещё несколько мгновений постоял рядом, затем повернулся к двери. Он закрыл её и не просто закрыл, а запер. И точно не магией или заклинанием, а обычным ключом.

Ни толчок, ни попытка выбить дверь плечом — ничего не помогло.

— Отлично. Вот и поговорили.

Соперник

Пару рассветов назад я отправил семёрку лучших демонов-разведчиков на территорию Драконьих гор. Задача была чёткой: выяснить, действительно ли *предатель* вернулся в свой замок.

Я продумывал операцию до мелочей, выбрал самых скрытных, самых выносливых, тех, кто умел растворяться в тенях и читать следы Ада. Они должны были проникнуть незаметно, собрать сведения и вернуться. Без лишнего шума. Без крови.

Слухи ползли по шестому кругу, словно ядовитая слизь, разъедающая доверие и сеющая панику.

«Он вернулся, — шептали в тёмных углах. — Крылатый демон в замке».

Я пытался игнорировать эти разговоры, списывать на панику и домыслы, но внутри всё сжималось. Потому что знал: если он действительно вернулся, это изменит всё.

И вот — подтверждение. Они вернулись. *Мои разведчики*. Но не такими, как я их отправлял. Он *изуродовал их*, превратил в *это*. Нечто среднее между чудовищем и кошмаром. Их тела искажены, покрыты чешуёй, словно у древних ящеров. Перепончатые крылья с острыми костяными шипами. Глаза мутные, налитые багрянцем, в них больше нет ни разума, ни воли. Только голод. Только ярость.

Я всматриваюсь в каждую деталь трансформации. Кожа местами лопнула, обнажая мышцы, которые теперь выглядят так, будто переросли свои границы. Когти вытянулись, стали длиннее, острее, чем у любого демона. А из спин, пробивая плоть, выросли костяные наросты — как шипы, как предупреждение.

Это не просто наказание. Это послание: «Я здесь. И я сильнее, чем ты думаешь».

Предателю, видимо, кажется забавным превращать моих демонов в злобных крылатых ящеров, а потом отправлять обратно ко мне. Не как пленников, не как трупов, а как... экспонаты. Как доказательство его силы.

— Избавься от них. — Приказываю я своему главному генералу.

Она молча подчиняется, щелкает пальцами — из них вырывается алое пламя — и следом поджигает крылатых чудовищ.

Я сжимаю кулаки, чувствуя, как внутри закипает ярость, а вместе с ней — холод. Холод осознания. Он не просто вернулся. Он демонстрирует власть.

Я не знаю, как именно он это сделал. Не понимаю, какие заклинания, какие древние ритуалы он использовал. Но каждое изменение в этих искалеченных телах кричало об одном: его магия вышла на новый уровень. Он больше не прячется. Он не обороняется. Он атакует — медленно, методично, с издёвкой.

Смотрю на одного из них, тот рычит, пытается выбраться из адского пламени, но цепи держат крепко. В его взгляде нет узнавания, нет страха. Только слепая ярость.

— Ты думаешь, это напугает меня? — шепчу я, обращаясь не к нему, а к тому, кто стоит за этим безумием. — Ты думаешь, я отступлю?

Ответа нет. Только хриплое дыхание искалеченных существ и тихий треск огня. Но я знаю: это лишь начало. Он вернулся. И теперь он играет по своим правилам.

Этих существ нужно было уничтожить. Они не просто прорвались сквозь мои границы и напали на мой дворец, их когти оставили глубокие борозды на каменных плитах, а слюна, капающая с клыков, шипела, разъедаая камень.

Если бы они добрались до жилых уровней... Я не хотел даже думать о последствиях. Армия таких монстров способна вырезать целый город всего за одну чёрную фазу.

Они бы всё разрушили точно также, как и надоедливая смертная, которая всё портит.
О! Я уверен, ее послал мне сам Дьявол в наказание!

Я прикрыл глаза, воспроизводя в памяти тот самый момент.

Валери стояла там, посреди хаоса, целая, невредимая, ни единой царапины. Её волосы слегка растрепались, на щеке едва заметная полоска пыли, но в остальном, будто и не было никакой битвы. Будто мир рушился вокруг, а её обходил стороной.

Затем моё внимание привлёк ящер у её ног. Он лежал, скрючившись, словно высохшая река. Его чешуя потрескалась, кожа обвисла, а глаза, некогда горящие кровавым огнём, теперь были пустыми, будто выжженными изнутри. Я замер, всматриваясь в это зрелище. Что случилось? Почему он вдруг... иссох?

Я открыл глаза.

После случившегося я сразу же собрал своих генералов. До самого рассвета мы заседали в зале совета, погружённые в мрачные размышления.

Я должен был хорошо подумать, чтобы понять, какие шаги предпринять далее. И выяснить, что случилось с моими демонами, чтобы такого никогда больше не повторилось.

Он — предатель, выродок нашего рода. Единственное, что его ждёт, — смерть. С тех пор как я занял место Князя шестого круга, я пытаюсь выследить его и уничтожить, но каждый раз он ускользает, словно тень, растворяясь в хаосе миров. Я хочу установить в Аду свой порядок, свои правила, но он одним своим существованием нарушает все мои планы.

Кто-то из советников уверен, что он слишком силен и умен, чтобы попасться. Кто-то, напротив, считает его отличной кандидатурой на роль Князя... Я даже не мог сосредоточиться на их словах. Перед глазами стояла одна и та же картина: Валери, вжатая в стену, а перед ней скорчившееся тело ящера. И он. Каэрон. Как он на нее смотрел.

Мне казалось, если бы у него был выбор спасти меня или Валери, то брат выбрал бы её.

Это даже забавно. Неужели я начинаю ревновать брата к этой смертной?

После собрания я решаю навестить её, спросить еще раз, возможно, она заметила что-то странное и подозрительное... Ну что-то помимо мерзких ящеров и Ада вокруг.

Каэрон сказал, что запер её в своей комнате «для её же безопасности». Должно быть ей там действительно безопасно.

Я открыл дверь и переступил порог. Первым делом огляделся — Валери нет.

Где она?

Я услышал шум воды и всё понял. Я пришёл не вовремя.

Чёрт! Если она голая, то будет проблематично устраивать ей допрос.

Стоя у дверей, я наблюдал, как она выходит из ванны, укутанная в огромное чёрное полотенце, словно не видя меня или намеренно игнорируя. Прошла мимо, направляясь к кровати. Мне не понравилась мысль, что комната брата ей чертовски идёт.

Почему меня так жжёт эта ревность изнутри?

Я застыл, глядя на неё. Она... просто совершенна.

Ладно, теперь я стал понемногу понимать, что брат нашел в ней.

Полотенце скользнуло вниз, обнажив плечи, она накинула рубашку — Каэрон ей дал её? Затем полотенце упало на пол, а она осталась в одной рубашке. Красивая. Привлекательная.

Понял, что слишком долго смотрю, когда она вдруг развернулась, и наши взгляды встретились. Из её глаз в меня будто полетели молнии — холодные, резкие, полные неприкрытого раздражения.

Это было забавно, ведь наша холодная отчуждённость была взаимной.

Так, стоп!

Вообще-то я пришел, чтобы устроить допрос с пристрастием, а не жадно пялиться.

Я подошёл ближе, скрестил руки на груди.

— Ты в порядке? — спросил я. Ответа не последовало. Она продолжала игнорировать меня, сосредоточенно застилая постель. — Надеюсь, ты не злишься на нас с братом, ты же понимаешь, мы не могли иначе?

— Ты же понимаешь, что меня это не волнует? — резко ответила она. Её голос был пропитан ядом. — Да мне... вообще без разницы всё происходящее у вас!

Что ж, с её дерзостью я обязательно поработаю.

— Послушай, — начал я, — я просто хотел узнать, что ты думаешь...

— Верни меня, — перебила она, глядя прямо мне в глаза. — Я не могу здесь... Я не должна была здесь оказаться! Случилась какая-то ошибка. Верни меня обратно в мой мир.

Валери села на край кровати, упёрлась руками в колени и опустила голову.

Я замер. Её слова показались мне забавными. Сначала я даже подумал, что она шутит — настолько нелепой, почти детской, выглядела эта просьба в моих глазах. В Аду, где каждый камень пропитан вековой тьмой, где законы мироздания жёстче стали, а судьбы плетутся без участия тех, кому они принадлежат, кто-то всерьёз надеется вернуться «домой»?

— Что, прости? — переспросил я, слегка приподняв бровь. Мой голос прозвучал чуть насмешливо, но без злобы — скорее с искренним недоумением.

— Я хочу вернуться домой, — повторила она твёрдо, глядя прямо мне в глаза. В её взгляде не было мольбы — только упрямство. — Пожалуйста.

Я невольно усмехнулся, качнул головой, будто пытаюсь стряхнуть наваждение.

— Домой? — повторил я, растягивая слово, словно пробуя его на вкус. — Ты серьёзно?

Она кивнула, не отводя взгляда. Ни тени сомнения, ни капли страха — только глубокая, почти отчаянная уверенность в своей правоте. И в этот момент я вдруг отчётливо увидел её не как чужачку, нарушившую покой моего мира, а как потерявшегося ребёнка, который просто хочет вернуться туда, где ему было тепло и знакомо.

Внезапно до меня дошло: она действительно не знала. Неужели Каэрон ей не сказал? Не объяснил элементарных вещей? Не предупредил, что Ад — это не гостиница, из которой можно уехать по первому капризу?

Я сглотнул. Вязкая слюна обожгла горло.

Резко прервав её, я произнёс жёстче, чем собирался:

— Отсюда нет выхода .

— Но... — начала она, и в её голосе впервые проскользнула растерянность.

— Покинуть Ад невозможно, — продолжил я уже серьёзнее, стараясь говорить так, чтобы она наконец поняла всю глубину этой истины. — Вероятнее всего, в том мире, где ты была, ты умерла и оказалась здесь. Это не наказание и не случайность — это факт. Тебе нужно смириться и принять это место как свой новый дом.

Она не поверила. Но и опечаленной не казалась. В её глазах по-прежнему таился холод. Губы слегка дрогнули, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. А я всё пытался понять, какая она на самом деле? Иногда мне кажется, что она действительно ничего не чувствует. Кажется, она говорила, что-то о пустоте внутри.

— Как... как это невозможно? — прошептала она. — Должен быть способ! Может, какой-то портал, заклинание, древний артефакт...

Я покачал головой.

— Его нет, — повторил я твёрдо. — Ни один демон не обладает способностью открыть врата и выйти отсюда. Ни один. Кроме Первородного правителя Ада. Но даже если бы он согласился помочь — а он не согласится, — ты всё равно не смогла бы пройти. Миры отторгают тех, кто уже пересёк грань. Ты здесь не случайно. Ты здесь — потому что больше нигде не можешь быть.

На мгновение в комнате повисла тяжёлая тишина. Я видел, как её плечи опустились, как в глазах мелькнула тень осознания. Она медленно выдохнула, будто пытаясь уместить в сознании эту новую реальность.

— Значит... — её голос звучал почти безжизненно, — я застряла здесь навсегда?

— Да, — ответил я просто. — Навсегда.

И в этот момент что-то во мне дрогнуло. Не сочувствие — я не умел его испытывать в полной мере, — но странное, почти забытое ощущение: будто я только что разбил чью-то хрупкую мечту. Ту самую мечту, которая, возможно, помогала ей держаться всё это время.

Валери опустила взгляд, сжала пальцами край рубашки. А я вдруг поймал себя на мысли: а что, если бы я оказался на её месте? Если бы меня вырвали из привычного мира и швырнули в это пекло без шанса вернуться?

Но я тут же отогнал эти размышления. Слабость. В Аду нет места слабости.

— Привыкай, — бросил я, разворачиваясь к двери. — Это твой мир теперь. И чем раньше ты это примешь, тем легче будет жить.

В любом случае отсюда был только один выход. В пекло.

Ни один демон не обладает способностью открыть врата и выйти отсюда. *Ни один.* Кроме Первородного правителя Ада.

Глава 4. Игра без правил

«Здесь нет выхода? Значит, я проложу его сама. Даже если придётся пройти сквозь тьму».

— Валери.

Тьма

Привыкай. Это твой мир теперь. И чем раньше ты это примешь, тем легче будет жить. Только вот теперь жить мне совсем не хотелось.

Слова Майкла ещё долго эхом отдавались в голове, будто вбивались в сознание молотом. Уверена: если бы сейчас моя душа была на месте, я бы точно разрыдалась и залила бы весь этот проклятый Ад своими слезами.

Ну что за адская хрень!

Сложно было поверить в это. Как так? В Ад попасть можно, а обратно нет? Почему? За что? Внутри всё сжималось от бессилия, от ощущения ловушки, из которой нет выхода.

— Ты умерла, Валери. Прими это, — проговорила я себе.

Я стояла, словно пригвождённая к полу, и пыталась осознать сказанное. Мысли метались, натываясь на глухую стену реальности: это не сон, не шутка, не временное недоразумение.

Это — навсегда.

«Это твой мир теперь», — эти слова резали глубже любого клинка.

Мой мир — там, где утренний кофе пахнет по-особенному, где знакомые улицы помнят каждый мой шаг, где люди знают меня настоящую. Здесь же — чужая реальность, пропитанная жаром вулканов и запахом гари, где каждый взгляд братьев таит невысказанные угрозы, а стены шепчут о тысячелетней тьме.

Как можно назвать домом место, где ты даже не можешь чувствовать себя в безопасности? Где каждое утро начинается с осознания, что ты — чужая, лишняя, пешка в чужой игре?

Внутри разрасталась пустота, холодная, бездонная, пожирающая последние крохи надежды. Я пыталась найти хоть что-то, за что можно уцепиться: логику, объяснение, оправдание. Но всё было тщетно.

Ты мертва, Валери. Смирись. Нет никакого перерождения душ, нет реинкарнации. Есть только Ад — жестокий и бесконечный Ад.

А следом пришла злость. Резкая, обжигающая, как лава за окном.

Почему Майкл решил, что может просто взять и перечеркнуть всю мою прежнюю жизнь? Кто дал ему право лишать меня выбора? Я не просила ни о сожжении на костре, ни о переносе в этот мир, ни о его «защите», ни о том, чтобы стать частью их тёмной игры.

Я жала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Нет. Пока я могу чувствовать боль, пока могу злиться — я ещё не сдалась. Пусть этот мир считает меня гостьей, но я не стану его частью. Не позволю. Даже если мне придётся приложить максимум усилий, чтобы отыскать путь назад, — я буду бороться. Даже если придётся идти против всех правил Ада. Даже если для этого понадобится разрушить всё до основания.

К *вечеру*, когда первая буря эмоций немного улеглась, я всё же решила выйти из комнаты. Едва переступив порог, я наткнулась на Каэрона. Он стоял, прислонившись к стене, с привычной улыбкой, но сегодня в его взгляде читалось что-то новое, будто он ждал меня.

— Привет, — протянул Каэрон, демонстрируя ухмылку, к которой я уже привыкла.

— Вряд ли ты найдешь здесь своего брата, — ответила я.

— Я знаю, — бросил он, и не успела я сделать и шага, как он выставил руку передо мной. — Я не искал брата, я пришёл за тобой.

— Зачем? — настороженно спросила я.

— Идём, кое-что покажу. Я должен загладить вину перед тобой за вчерашнее.

Он имеет в виду за то, что запер меня в комнате после того, как на дворец напали странные ящеры?

Каэрон подставил локоть:

— Не бойся, я для тебя же стараюсь.

Я колебалась секунду, но потом всё же положила руку на его локоть, ощущая лёгкое покалывание в пальцах от исходившей от него энергии.

Мы прошли по тёмному коридору, стены которого пульсировали багровым светом, словно живые. В воздухе витал запах серы и чего-то сладковатого, почти приторного.

Каэрон остановился перед ничем не примечательной на вид каменной стеной — на первый взгляд, просто продолжение коридора. Но когда он поднёс ладонь к поверхности, в камне проступили мерцающие руны, складываясь в сложный узор.

— Что это? — спросила я, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Портал, — коротко ответил он. — Через него мы попадём в место, где ты сможешь хоть ненадолго забыть обо всех проблемах.

Каэрон коснулся ладонью драгоценного камня в центре. Он вспыхнул алым, и каменная поверхность пошла рябью, как вода от брошенного камня. Прежде чем я успела что-то сказать, он потянул меня вперёд — прямо в эту мерцающую пелену.

Ощущение было странным, почти нереальным. В первый миг меня охватила волна ледяного холода — он проник до самых костей, заставив дыхание перехватить. Затем всё вокруг закружилось: цвета смешались в вихре, звуки исказились, превратившись в гул, отдающийся в ушах. Я потеряла ощущение верха и низа, времени, собственного тела — будто распалась на тысячи частиц и одновременно была везде.

В животе появилось странное чувство падения, хотя я не двигалась — словно шагнула с крыши, но падение длилось бесконечно. Кожа покалывала, будто тысячи крошечных иголок одновременно коснулись её. В ушах зазвучали шёпоты — не слова, а обрывки эмоций: смех, страх, желание, ярость. Они проносились мимо, не задевая меня по-настоящему, но оставляя послевкусие чужих переживаний.

А потом всё резко закончилось.

Я моргнула и вдруг оказалась в совершенно другом месте. Под ногами твёрдо, воздух тёплый, насыщенный ароматами пряностей, дыма и чего-то терпкого, незнакомого. Голова слегка кружилась, но это быстро прошло, оставив после себя лишь лёгкое головокружение, как после карусели.

Я замерла на пороге, не в силах поверить своим глазам. Передо мной раскинулось огромное помещение с потолком, теряющимся где-то в клубях дыма. Стены были выложены чёрным камнем, испещрённым прожилками расплавленной лавы. В центре зала возвышалась массивная барная стойка из полированного обсидиана, за которой сустились демоны с рогами, крыльями и другими странными чертами.

— Это... невозможно, — прошептала я, всё ещё приходя в себя после перемещения. — В моём мире даже ведьмы с их заклинаниями не могли так перемещаться. Это... магия другого уровня.

Каэрон усмехнулся:

— Добро пожаловать в Ад, Валери. Здесь возможно всё.

Он мягко подтолкнул меня вперед, и я сделала шаг, чувствуя, как под ногами слегка дрожит пол — будто дышит. Звуки обрушились на меня волной: гул голосов, смех, звон бокалов, ритмичная музыка, напоминающая биение сердца.

— Знал, что тебе понравится, — усмехнулся Каэрон.

— Не понимаю... Что это за место? — прошептала я, всё ещё не в силах оторвать взгляд от толпы. — Как такое возможно в Аду?

— В нашем мире возможно многое. Идём. — Он потянул меня к бару.

За стойкой стояла девушка с презрительным взглядом. Длинные, густые волосы насыщенного каштанового цвета волнами ниспадали на плечи, обрамляя смуглое лицо и придавая облику нотку диковатой, необузданной красоты. Локоны казались живыми, они слегка шевелились, будто играли с воздухом, подчёркивая её естественную грацию.

— Зора, милая, мне как обычно, — Каэрон улыбнулся барменше, и та лишь высоко подняла бровь. — Ей тоже, — кивнул он в мою сторону.

Зора молча поставила перед нами две стопки с ярко-красной жидкостью, от которой шёл лёгкий дымок.

— Что это? — спросила я, когда Каэрон протянул мне одну.

— Сначала выпей, а потом задавай вопросы, — ответил он с лёгкой усмешкой.

Я и так в Аду. Терять мне, в принципе, уже нечего.

Без колебаний опрокинула стопку залпом и тут же нахмурилась от крепости напитка.

— Фу, что это?

— Адский эль, — спокойно ответил он.

— Кажется, это не так пьют! — заметила я, увидев, что барменша поставила ещё несколько таких же стопок. — Хочешь, чтобы мы это всё выпили?

— Всё и даже больше! — весело ответил он, жестом попросив принести напитки к столу.

Мы сели на диванчик напротив друг друга, под пристальными взглядами окружающих. Я невольно поежилась.

— Они ведь не на тебя смотрят, да? — спросила я.

— Забей на них! Они впервые видят... — он запнулся, подбирая слово, — иномирянку.

— Кто они? Кто ты? Что это за место? Что произошло той ночью? — вопросы сыпались один за другим.

— Теперь понятно, почему брат тебя избегает. Слишком много вопросов, — рассмеялся он. — Давай так: стопка — один вопрос!

Я нахмурилась:

— Судя по количеству вопросов, я сопьюсь! Ну да ладно. — Я выпила четыре стопки подряд, глядя ему в глаза. Я не любитель выпивки, но разве после смерти не всё ли равно? — Твоя очередь!

— Они демоны. Я демон. Это паб. На нас напали враги, — отвечал он спокойно, не отрывая от меня взгляда.

Но, честно признаться, меня жгла обида.

— Почему ты не сказал? — с упрёком спросила я.

Улыбка на его лице застыла.

— О чем?

— О том, что уйти нельзя. Ты так красочно старался рассказать мне о своем мире, но так и не признался, что твой мир — Ад, и выбраться из него нельзя.

В его взгляде что-то изменилось, улыбка потухла.

— Не сказал, — согласился он. — Потому что в этом не было смысла. Чтобы это знание для тебя изменило? А так я хотя бы дал тебе некоторое время освоиться, понять, что Ад — не приговор. Здесь так же пульсирует жизнь, как и в любом другом мире.

Его слова резанули, как нож. Я сжала кулаки, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— А этот паб, — Каэрон оглянулся. — Это специальное, зачарованное место, сюда каждый грешник приходит отвести душу, — продолжил он, и в его глазах снова вспыхнул хищный блеск. — И смею предположить, раз ты оказалась здесь, то ты та ещё грешница, Валери.

Я застыла, глядя перед собой в пустоту.

— У меня нет души, чтобы её отвести. — Прошептала тихо.

Всё казалось таким абсурдным. Я в Аду, без души и выхода отсюда нет.

— Что же с ней случилось? — спросил Каэрон, слегка наклоняясь ближе. Его голос прозвучал тише, почти интимно, будто этот вопрос имел куда большее значение, чем просто любопытство.

Я подняла на него взгляд, поймав себя на том, что невольно задержала дыхание. В его глазах, мерцающих в приглушённом свете паба, читалось что-то большее — не просто интерес, а искреннее переживание. И это сбивало с толку. Рядом с ним было так... спокойно. Словно весь хаос Ада отступил на задний план, оставив только нас двоих в этом странном, тёплом пузыре безопасности.

Нет, Валери! Не доверяй ему, он демон. Умный, хитрый, явно умеющий играть на эмоциях демон. Разве можно доверять тому, кто принадлежит этому миру — миру, где ложь и манипуляции, похоже, возведены в ранг искусства?

Я встряхнула головой, сбрасывая наваждение.

— Это не твоё дело, — ответила я, стараясь не выдать своего волнения. Но в груди что-то дрогнуло — не от страха, а от странного противоречия: с одной стороны, я хотела оттолкнуть его, с другой — мне отчаянно хотелось поделиться хотя бы частью своей боли с тем, кто, кажется, действительно готов выслушать.

Чёрт, я веду себя, как глупая девчонка.

Я поднялась и направилась на танцпол. Музыка стала громче, ритм ускорился — он пульсировал в такт биению сердца, проникал в кровь, разгоняя застывшую в жилах тоску.

Я двигалась в такт, чувствуя, как жар охватывает тело, как дым вокруг становится плотнее, а огни — ярче. Движения становились свободнее, раскованнее: я кружилась, запрокидывала голову, позволяя огненному вихрю музыки унести прочь тяжёлые мысли. На мгновение — всего на мгновение — я забыла, где нахожусь. Забыла о ловушке, о невозможности вернуться, о словах Майкла. Здесь и сейчас был только ритм, жар, свет и свобода.

Внезапно рядом со мной оказался высокий демон с пронзительными жёлтыми глазами. Его кожа отливала бронзой в свете багровых огней, а длинные чёрные волосы были заплетены в замысловатую косу, украшенную металлическими кольцами. Он двигался плавно, почти бесшумно, и оказался так близко, что я почувствовала исходящий от него жар — не такой, как от музыки или дыма, а какой-то иной, опасный.

— Какая редкая гостья, — прошипел он, пытаясь приобнять меня за талию. — Потанцуем?

Я остановилась, посмотрела ему прямо в глаза и холодно улыбнулась:

— Нет.

Демон не отступил. Его рука скользнула вдоль моей спины, пальцы чуть сжали плечо.

— О, не будь такой холодной, — прошептал он, склоняясь ближе. Его дыхание пахло пряностями и чем-то металлическим. — В Аду все учатся наслаждаться моментом. Разве ты не хочешь попробовать?

Я сделала шаг назад, но он последовал за мной, отрезая путь к отступлению.

— Я сказала «нет», — повторила я твёрже, стараясь не вцепиться в него и не вырвать ему глотку.

— Ты не понимаешь, — его улыбка стала шире, обнажая острые клыки. — Здесь мои правила. И я решил, что мы будем танцевать.

Он резко притянул меня к себе, сжимая руку на запястье. Хватка была железной, болезненной.

— Отпусти, — я попыталась вырваться, но он лишь рассмеялся.

— Что такое? Испугалась? — его голос звучал издевательски. — Или просто не привыкла, когда тебе говорят, чего хотят?

Музыка вокруг продолжала греметь, но теперь она казалась глухим рокотом, заглушающим мои мысли.

— Последний раз говорю: отпусти, — произнесла я, глядя ему прямо в глаза.

Сейчас я засуну ему эти правила в...

Прежде чем он успел что-то сказать, рядом возник Каэрон. Его глаза сверкнули опасным огнём.

— Она занята, — резко бросил он. — Найди кого-нибудь другого.

Демон окинул Каэрона оценивающим взглядом, затем усмехнулся и отступил:

— Как скажешь, брат.

Каэрон, ты мой герой.

Он повернулся ко мне:

— Ты в порядке?

— Да, — я пожала плечами. — Я просто ненавижу, когда меня касаются.

Каэрон слегка улыбнулся:

— Пойдём отсюда. Думаю, на сегодня впечатлений хватит.

Он галантно подставил локоть, на который я оперлась, и мы направились к выходу.

Каэрон провёл нас обратно через мерцающую пелену портала — ощущения были почти такими же, как при входе: ледяной холод, вихрь красок, потеря ориентации в пространстве и времени. Но на этот раз я была готова, поэтому удержалась на ногах, едва ступив на твёрдый пол коридора дворца.

Мы едва успели сделать пару шагов, как замерли, поражённые открывшейся картиной. Прямо перед нами, буквально в десятке шагов, стоял Майкл. Он жадно целовал какую-то девушку, прижав её к стене, а рядом стояла ещё одна и покрывала поцелуями его шею. Их движения были страстными, почти животными, а приглушённые стоны и прерывистое дыхание разносились по коридору, нарушая тишину.

Меня охватило странное чувство. Неловкость, да — но вместе с ней и неожиданное возбуждение. Картина перед глазами была максимально сексуальной: переплетение тел, скользкие по изгибам руки, жаркие поцелуи. Майкл с двумя девушками словно не замечали никого вокруг, полностью поглощённые друг другом.

Невольно я сильнее сжала руку Каэрона, и тот, заметив мою реакцию, резко прервал страсти своего брата:

— Майкл, — произнёс он громко и твёрдо, — не удержался дойти до покоев?

Майкл оторвался от девушки, медленно повернул голову в нашу сторону. На мгновение на его лице отразилось раздражение, но затем оно сменилось насмешливой улыбкой. Он окинул нас взглядом — сначала брата, потом меня, заметив, что я держу Каэрона за руку.

— О, брат, — протянул он, отступая от девушек, — ты ведь знаешь, как это происходит. Сложно устоять перед таким соблазном. Вижу, Валери, ты уже освоилась в Аду. — Он окинул меня хищным взглядом. — Желаю вам такой же горячей чёрной фазы, — добавил он с хриплым смехом.

Это ещё больше смутило меня. Я буквально чувствовала, как щёки заливают румянец, и поспешно отпустила руку Каэрона.

Неужели он думает, что мы с ним будем заниматься чем-то подобным?

Майкл же вернулся к своему занятию, увлекая беловолосую девушку в новый поглощающий поцелуй.

Каэрон что-то пробормотал в ответ — кажется, на демонском языке, и кажется, это означало *идиот*.

Майкл поцеловал одну из девушек в шею, и она хихикнула, а вторая начала расстёгивать свою тунику.

Чёрт, они что, собрались заняться *этим* прямо посреди коридора?

— Идём, — тихо сказал Каэрон, беря меня под локоть. — Не стоит задерживаться.

Мы прошли мимо вновь целующихся Майкла и девушек. Я старалась не смотреть в их сторону, но периферийным зрением всё равно улавливала движения: руки, скользящие по талии, губы, впивающиеся в шею, переплетённые пальцы.

Коридор казался бесконечным. Шаги эхом отдавались от стен, а багровый свет пульсирующих рун отбрасывал странные тени на каменный пол.

Я шла, опустив голову, пытаясь унять бурю эмоций внутри. Смущение мешалось с любопытством, неловкость — с необъяснимым возбуждением. Почему-то эта сцена зацепила меня сильнее, чем я ожидала.

— Извини за это, — нарушил молчание Каэрон. — Майкл... он такой. Не стоит обращать внимания.

— Всё в порядке, — ответила я, стараясь говорить ровно. — Просто неожиданно.

— Да, он не слишком заботится о приличиях. Особенно в чёрные фазы. — Каэрон слегка усмехнулся. — Для демонов это время... особого раскрепощения.

Я кивнула. Ну а что ещё я могла сказать?

И вдруг я осознала, насколько мало знаю об этом мире и его законах. Всё было чужим, странным, пугающим — и в то же время завораживающим.

— Ты в порядке? — Каэрон бросил на меня внимательный взгляд. — Выглядишь задумчивой.

— Просто пытаюсь осознать всё, что происходит, — призналась я. — Этот мир... он слишком отличается от моего.

— Со временем привыкнешь, — мягко сказал Каэрон. — Или найдёшь в нём что-то своё. Эта мысль показалась мне забавной. Что такого "своего" я могла бы найти в Аду?

Мы подошли к двери моей комнаты, и неловко замерли.

Каэрон повернулся ко мне:

— Ну вот мы и на месте. — Он слегка улыбнулся. — Надеюсь, я хоть немного отвлек тебя от тяжёлых мыслей.

— Отвлёк, — согласилась я. — Спасибо. Правда.

— Не за что. — Он кивнул. — И, Валери, мне жаль, что я не рассказал тебе правду в самом начале. Я просто хотел подобрать для этого более правильные слова.

Я не нашла, что ему ответить и поэтому просто развернулась и прошла в комнату.

Я завалилась на постель, переваривая прошедший день. Перед внутренним взором до сих пор стояла картина в коридоре: Майкл с девушками.

Сон поглотил меня. Я чувствовала чьи-то прикосновения — их было слишком много, они были горячими и крепкими. Руки... Их было слишком много. Они были везде: касались моего лица, губ, ног, рук. Лёгкие, дразнящие движения сменялись настойчивыми, почти собственническими объятиями.

Затем появились губы — горячие и влажные. Они завладели моими губами, а потом перешли на шею, оставляя за собой огненный след.

Кому принадлежали эти губы и руки? И сколько их было? Мне казалось, минимум четыре — четыре руки нагло и страстно касались меня везде, скользили по коже, вызывая волны жара, от которых перехватывало дыхание.

Я не могла понять, кому они принадлежали, но и остановить их не могла. Тело словно не слушалось меня — оно откликалось на каждое прикосновение, пылало в этом безумном танце страсти. Разум пытался сопротивляться, требовал проснуться, осознать происходящее, но сон был слишком реальным, слишком осязаемым.

Одна пара рук скользнула по спине, прижимая меня ближе, другая запуталась в волосах, слегка оттягивая их, заставляя запрокинуть голову. Губы продолжали исследовать кожу — шею, ключицы, плечи, — оставляя за собой след из мурашек и дрожи.

«Проснись! Проснись!» — кричала я про себя, но тело отказывалось подчиняться. Оно жило своей жизнью, отзывалось на ласку, на жар чужих прикосновений, на дыхание, обжигающее кожу.

А потом я услышала голос — низкий, хриплый, знакомый. Он звучал где-то рядом, почти у самого уха:

— Ты такая непокорная... Даже во сне.

Голос заставил меня вздрогнуть. Я попыталась сосредоточиться, разобраться, кому он принадлежит. Но в тот же миг ощущения стали ещё ярче, ещё реальнее. Руки сжали крепче, губы впились в шею с новой силой, и волна удовольствия накрыла с головой, унося прочь остатки сопротивления.

Внезапно всё исчезло. Прикосновения, губы, жар — всё растворилось в темноте. Я резко распахнула глаза, задыхаясь, с бешено колотящимся сердцем.

Комната была погружена в полумрак. Багровый свет за окном отбрасывал на стены уродливые тени, которые, казалось, шевелились, будто живые. Воздух был тяжёлым, густым, пропитанным запахом серы и чего-то ещё — сладковатого, дурманящего.

Я села на кровати, пытаюсь отдышаться. Лоб покрылся испариной, волосы прилипли к вискам, а кожа всё ещё горела там, где её касались во сне. Я провела рукой по шее — никаких следов, конечно же. Всё это было лишь сном. Но каким реальным...

Чёрт, этот Ад сведёт меня с ума!

Брат

Я остался сидеть за столиком, покручивая в руках бокал с адским элем. Взгляд невольно следил за Валери — она двигалась на танцполе так, будто весь Ад вокруг перестал существовать. В её движениях не было выученной грации демонов, привыкших к этому месту и его правилам. Нет, в них была какая-то дикая, необузданная свобода — то, чего я давно не видел в Аду.

«Человечность», — подумал я, наблюдая, как она запрокидывает голову, позволяя огненному вихрю музыки унести прочь тяжёлые мысли.

В ней есть что-то настоящее, неподдельное. Что-то, что заставляет сердце биться чаще, даже если у тебя нет сердца в привычном понимании.

Валери кружилась, забывая обо всём. И в этот момент она была прекрасна. Не с идеальной красотой демонов, отточенной веками, а с живой, пульсирующей энергией, которая притягивала взгляды.

Я невольно улыбнулся. В ней было столько упрямства, столько жажды жизни — даже после смерти. Она не смирилась, не сломалась под тяжестью обстоятельств. И это восхищало.

Взгляд скользнул по залу. Почти каждый демон в пабе украдкой поглядывал на неё. Кто-то с любопытством, кто-то с вожделением, а кто-то с откровенной жадой. Я напрягся. Желание оберегать её стало почти безумным.

Она не должна стать игрушкой в руках этих тварей. Не здесь. Не со мной рядом.

Особенно меня беспокоил Майкл. Точнее, его мысли. Он видел в ней силу, аномалию, угрозу.

Мои размышления прервало резкое движение на танцполе. Высокий демон с жёлтыми глазами подошёл к Валери. Слишком близко. Его рука скользнула вдоль её спины, пальцы сжали плечо.

Внутри всё вскипело. Жгучая, почти первобытная ревность охватила меня, вытесняя все остальные мысли. Я сжал бокал так, что тот треснул в руке, но я даже не почувствовал боли.

Я увидел, как Валери отступает, как её лицо становится холодным и твёрдым. Она что-то говорит, но музыка заглушает слова. Демон не отступает — его хватка становится жёстче, улыбка — шире, обнажая острые клыки.

Никто не имеет права так с ней обращаться.

Никто не имеет права прикасаться к ней.

Я поднялся, чувствуя, как внутри закипает магия. Шаг — и я уже рядом с ними. Музыка больше не казалась весёлой, она превратилась в глухой рокот, подчёркивающий напряжение момента.

— Она занята, — резко бросил я, глядя прямо в глаза демону. — Найди кого-нибудь другого.

Демон окинул меня оценивающим взглядом. В его глазах мелькнуло узнавание — он знал, кто я. Затем он усмехнулся и отступил, поднимая руки в примирительном жесте:

— Как скажешь, брат.

Я не сводил с него взгляда, пока он не растворился в толпе. Только тогда я повернулся к Валери:

— Ты в порядке?

Она пожала плечами, стараясь выглядеть невозмутимой:

— Да. Я просто ненавижу, когда меня касаются.

В её глазах читалась благодарность, хотя она и пыталась это скрыть. Я слегка улыбнулся:

— Пойдём отсюда. Думаю, на сегодня впечатлений хватит.

По пути к выходу я всё ещё ощущал на себе взгляды — любопытные, завистливые, враждебные. Но теперь они были не важны. Главное — она рядом, и я не позволю никому причинить ей вред. Эти демоны видели достаточно, видели моё отношение к ней, и теперь они трижды подумают, прежде чем подходить к ней, или хотя бы дышать в её сторону.

Мы с Валери направились к комнате — той самой, что теперь принадлежала ей. Я даже испытывал некое удовольствие от этого осознания. Ну и еще это бесило брата, я уверен.

В коридоре открылась картина, которую я предпочёл бы не показывать Валери: Майкл, прижав к стене беловолосую демоницу, жадно целовал её шею. Вторая девушка, с огненно-рыжими волосами, обвила его руками сзади, покрывая поцелуями шеи.

Они никого не стеснялись, словно во всём Аду существовали лишь они.

Я заметил, как Валери застыла, широко раскрыв глаза. Её щёки слегка порозовели — то ли от смущения, то ли от неожиданности. Она невольно сжала мою руку, и я почувствовал, как участился её пульс.

— Майкл, — произнёс я, — не удержался дойти до покоев?

Майкл оторвался от демоницы, медленно повернул голову в нашу сторону. И мне совсем не понравилось то, каким плотоядным взглядом он посмотрел на Валери.

Хотел ли я развлечься этой чёрной фазой? Безусловно.

Хотел ли я развлечься с Валери? Я никогда не отвечу на этот вопрос, даже мысленно.

Она была для меня особенной. Не знаю, почему и как, но Валери неожиданно стала для меня самой близкой девушкой во всём этом бесконечном Аду. И я предпочту дружить с ней, чем тащить в постель, а после потерять навсегда её доверие.

Глава 5. Два демона и одна душа

«Они думают, что держат меня в поле зрения. Но кто сказал, что я не наблюдаю за ними?»

— Валери.

Соперник

Комната тонула в багряных отблесках чёрной фазы — тусклом, зловещем свете, который едва пробивался сквозь тяжёлые шторы. Воздух был густым, пропитанным запахом благовоний и чего-то ещё терпкого, животного, присущего близости двух демонов.

Демоница сидела сверху, её длинные белые волосы струились по плечам, обрамляя лицо с тонкими, почти аристократическими чертами. Кожа отливала перламутром в полумраке, а глаза, глубокие и бездонные, будто видели не только настоящее, но и тени будущего.

Она — Оракул. Её движения были плавными, гипнотическими — она знала, как завладеть вниманием даже такого, как я.

Пальцы Оракула скользили по моей груди, оставляя едва ощутимые следы — не царапины, а призрачные линии, будто она рисовала на моей коже какие-то древние символы. Каждое прикосновение отзывалось лёгкой дрожью, но я чувствовал, что это лишь игра — её способ удержать меня здесь и сейчас, в этой комнате, рядом с ней.

— Говорят, на шестой круг попала смертная девушка, — тихо произнесла Оракул, слегка наклоняясь вперёд. Её голос звучал как шёпот ветра среди могильных камней.

Я замер. Вопреки логике перед внутренним взором возник образ Валери: её упрямый взгляд ледяных глаз, пепельные волосы, и почти безумная хладнокровность.

Да, я боялся признаться даже мысленно, что после того случая в коридоре, я не думал о ней. А точнее, о ней в моей постели.

Чёрт возьми, почему эта девушка застряла в моих фантазиях?

— Слухами Ад полон, — сказал я, не глядя на неё. — Она пришла с Земли.

Оракул замерла на мгновение, затем медленно провела кончиками пальцев вдоль моего подбородка, чуть надавливая, заставляя посмотреть ей в глаза.

— Следи за ней, — ответила она, и в её голосе прозвучало предостережение. — Её энергия... она иная. Как капля чистой воды в океане грязи. Слишком яркая. Слишком живая.

Эти слова что-то заделали внутри.

Её губы коснулись моей шеи — сначала легко, почти невесомо, затем сильнее, оставляя след, который тут же начал пульсировать, отзываясь теплом.

Я почувствовал, как её магия смешивается с моей, создавая странный, почти болезненный резонанс. Но теперь даже это не могло заглушить образ Валери, который стоял перед глазами: её длинные пепельные волосы, сапфировые глаза и упрямство.

Как же я ненавижу её в этот момент!

— Почему мне нужно за ней следить? Она опасна? — спросил я, хотя уже знал ответ. Вспомнил её холодный взгляд, когда показывал ей столицу. Я уверен, Валери с таким же равнодушным лицом вонзит мне нож в сердце. Или сердце брата.

— Опасна не она, — демоница загадочно улыбнулась. — Опасны те, кто увидит в ней оружие. Кто решит, что её сила — это путь к власти. Или к разрушению.

Она снова двинулась, и на этот раз её прикосновение было другим — более настойчивым, требовательным. Её энергия окутывала меня, пыталась увлечь за собой, заставить забыть обо всём, кроме момента.

— Ты ведь знаешь, всё, что оказалось на моём круге — принадлежит мне. Я не собирался её отпускать, и сказал ей, что выхода из Ада не существует.

— Правильно сделал, — её голос стал тише, почти шёпотом. — Такую смертную нужно держать поблизости. Близко. Очень близко. Иначе кто-то другой найдёт способ использовать её.

— Использовать? — я резко сел, и Оракул слегка отклонилась, но не отстранилась. — Что ты видишь?

Вообще-то мне хотелось наоборот, держаться от Валери подальше, мне не было до неё никакого дела. Это брат, если ему так хочется, пусть с ней развлекается. Но раз Оракул говорит, что смертную нужно держать поблизости — я ей верил.

Она закрыла глаза, и на мгновение её лицо стало отрешённым, будто душа покинула тело и устремилась в иные миры.

— Вижу тени, тьму, — прошептала она. — Много теней. Они тянутся к ней, шепчут, зовут. Вижу огонь, который не сжигает, а пробуждает. Вижу кровь, но не её. Вижу выбор, который изменит всё. Но что выберет она... этого я не вижу.

Её глаза открылись — в них мелькнуло что-то тревожное, почти испуганное. Она увидела что-то еще.

— Будь осторожен, Майкл, — добавила она. — Она — не просто смертная. Она — искра. И если эта искра разгорится... Ад может сгореть дотла. Или переродиться.

Я задумался. В её словах было зерно истины. Валери действительно была аномалией.

— И что мне нужно делать? — спросил я.

Оракул улыбнулась.

— Контролировать её. Держать рядом. Следить, чтобы никто другой не добрался до неё первым. Вот, что ты должен сделать. Однако... Помни: такие, как она, не поддаются контролю надолго. Рано или поздно она начнёт задавать вопросы. И тогда тебе придётся решить — будешь ли ты её сдерживать или позволишь ей стать тем, кем она должна быть.

Я промолчал. В голове крутились мысли: как заставить Валери подчиниться? Как сделать так, чтобы она перестала рваться домой и приняла Ад как новый дом? И главное — почему меня так волнует её судьба? Почему я не могу просто отдать приказ и забыть? Раз она может быть опасна, разве не проще будет избавиться от неё?

Демоница медленно поднялась, её тело блеснуло в полумраке.

— Мне пора, — сказала она. — Но помни мои слова: не пытайся сломать её. Лучше научись использовать её силу. Иначе она сломает тебя.

Какую еще силу?

Оракул скользнула к двери, и перед тем, как выйти, обернулась:

— И ещё... берегись брата. Он уже выбрал сторону.

Дверь за ней закрылась, оставив меня одного в тишине комнаты. Я откинулся на подушки, глядя в потолок.

Мог ли я просчитаться со своим планом?

Каэрон...

Он слишком привязан к ней. Слишком готов защищать. Это больше напоминает проблему, чем способ его контролировать.

Я закрыл глаза, но перед внутренним взором снова возникла Валери — её решительный взгляд, её сжатая в кулак рука, её голос, твёрдый даже перед лицом всего Ада.

И в этот момент я понял: она не сдастся. А значит, мне придётся либо сломать её... либо найти способ сделать её союзницей. И первый вариант казался всё более привлекательным.

Перед глазами возник новый образ: Каэрон держит её за талию, её расслабленная поза, её взгляд, который я не успел разглядеть. Почему это так больно? Я всегда контролировал свои эмоции. Всегда держал себя в руках. Но сейчас... сейчас всё рушилось. Что со мной происходит?

Тьма

Я села на кровать и прикрыла глаза. В памяти возник *его* образ. Я помню тот день до мельчайших деталей — словно время выгравировало его в моей памяти огненными буквами.

Это было в руинах Серебряного храма. Я пришла туда не случайно: древние камни ещё хранили отголоски силы, которую я могла поглотить, не причиняя никому вреда. Я всегда искала места, где магия текла сама по себе, — заброшенные святилища, забытые алтари, места, куда простые люди боялись ступить.

Я шла между колонн, и мои шаги не оставляли следов на мху — он увядал под моей ступнёй, превращаясь в пыль. Воздух дрожал от напряжения: я чувствовала, как энергия струится сквозь трещины в камне, как шепчут забытые боги сквозь века.

И тогда я услышала его голос.

Он не пел, не читал заклинания — он говорил с камнями. С руинами. С самим воздухом.

— Ты помнишь, как тебя возводили? Как золотые руки каменщиков клали каждый блок? Ты был не просто храмом — ты был песней, застывшей в камне...

Я замерла за колонной. Его голос был мягким, но в нём звучала такая глубокая печаль, что даже моя холодная природа дрогнула. Я никогда не слышала, чтобы кто-то разговаривал с мёртвыми стенами так, будто они живые.

Я вышла из-за колонны. Он стоял спиной ко мне, склонившись над обломком барельефа. Его плащ был покрыт пылью веков, а в руках он держал блокнот, исписанный незнакомыми символами.

Когда он повернулся, я увидела его глаза — ясные, как горный ручей, без тени страха.

— Ты не боишься? — мой голос прозвучал резче, чем я хотела.

Он улыбнулся.

— Бояться чего? Руин? Или тебя?

Я подняла руку, и кожа уже начала бледнеть, становясь прозрачной, как лёд. Воздух вокруг меня похолодел.

— Меня.

Он сделал шаг вперёд.

— Почему я должен бояться того, кто разговаривает с мёртвыми камнями так же, как и я? Почему я должен бояться *тебя*?

Это поразило меня. Никто прежде не видел во мне... собеседника. Только угрозу. Только чудовище. Только холодную Королеву.

— Ты... не знаешь, кто я, — прошептала я.

— Знаю, — он закрыл блокнот. — Ты — та, кто слышит то, что другие забыли. Как и я. Я рассмеялась — резко, недоверчиво.

— Я не слышу. Я поглощаю магию. Я — Веда. Моё имя — Валери.

Он кивнул, будто это ничего не значило.

— И всё же ты пришла сюда не для разрушения. Ты пришла слушать. Не многие способны чувствовать энергию, которая струится по миру, словно живое существо. Это редкий и особенный дар.

Я молчала. Он был прав, и это пугало.

— Меня зовут Арес, — он протянул руку. — Я собираю истории, которые мир пытается стереть.

Я смотрела на его ладонь. На секунду мне показалось, что если я коснусь её, то он рассыплется в прах. Но я всё же протянула свою — медленно, осторожно.

Его пальцы были тёплыми.

Тёплыми.

Я вздрогнула, но он не отдернул руку. Наоборот — сжал крепче.

— Ты не чудовище, Валери, — сказал он просто. — Ты — река, что течёт сквозь пустыню. Без тебя здесь не было бы жизни.

Я не знала, что ответить. Впервые в жизни кто-то увидел во мне не голод, не тьму, не проклятие, а силу.

С того дня мы встречались здесь, среди руин. Он рассказывал мне о забытых царствах, о языках, умерших тысячу лет назад, о людях, чьи имена стерлись из памяти мира. А я... Я училась не бояться себя рядом с ним.

Потому что он видел во мне то, что я сама не могла разглядеть: не пустоту, а возможность.

Следующим днём я проснулась разбитая. Мысли об Аресе после того безумного сна нака-
тили слишком резко, и я не в силах была их остановить. Мне не хватало его.

Выйдя из комнаты, я почти сразу наткнулась на Каэрона.

Снова.

К моему удивлению, он предложил провести экскурсию по дворцу, которую обещал мне.
Это было куда лучше, чем сидеть в четырёх стенах и терзать себя мыслями.

— Каэрон... — Я сделала паузу, оглядев небо за стеклом. — Здесь постоянно светит...
красное солнце. Как вы определяете день и ночь?

Он изогнул бровь, будто удивился самому вопросу, затем тоже посмотрел в окно.

— Ну... У нас нет «день или ночь». А красное солнце — это зарево преисподней. Оно
делится на алый рассвет, багровый зенит, тёмно-пурпурный спуск и чёрную фазу. В зависимо-
сти от интенсивности света, — ответил он с лёгкой улыбкой.

То есть в Аду, так они называют: утро, день, вечер и ночь?

Я невольно усмехнулась. Конечно, как же я могла забыть, что в Аду всё устроено не так,
как на Земле.

Он махнул рукой в сторону лестницы.

— Каэрон, а кто были те... сущности, что напали тогда на меня при нашей первой
встрече? — спросила я, возвращаясь к более серьёзной теме.

— А, эти... потрошители, — Каэрон небрежно махнул рукой. — Некоторые из них раньше тоже были демонами, но в итоге сошли с ума. Есть еще души умерших, которые не нашли покоя.

— Когда демон погибает, он превращается в... это? — Я невольно содрогнулась, представив себе такую участь.

— Хах, нет, — он рассмеялся, но смех вышел каким-то безрадостным. — После смерти мы... сгораем, будто нас окунули в лаву. От нас остаётся только пепел.

— Понятно, — тихо ответила я.

Мне предстоит многое узнать об этом мире.

Мы шли по бесконечным коридорам, а Каэрон без умолку рассказывал:

— Здесь кухня. Столовая. Прихожая. Бальный зал. Конференц-зал. Моя новая комната. В том крыле расположена прислуга. Тренировочный зал. Апартаменты брата. Мастерская...

Я невольно замедлила шаг.

— Мастерская? Что там?

Каэрон чуть прищурился, и в его глазах мелькнул загадочный отблеск.

— О, там не просто мастерская. Это сердце дворца. Хочешь услышать историю этого места?

Я кивнула, невольно придвинувшись ближе.

— Конечно.

Он обвёл взглядом коридор, будто проверяя, не подслушивает ли кто, и понизил голос:

— Этот дворец старше, чем кажется. Он не просто построен — он *вырос* из хаоса Ада. Говорят, что первый камень был заложен на месте древней бездны, где приносили жертвы.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Жертвы?

— О да. — Каэрон провёл рукой по стене, и камень под его пальцами словно задышал. — Каждый фундамент требует платы. Этот дворец потребовал душ. Первые строители... Они так и не покинули его. Их тени до сих пор бродят по подвалам.

Мы свернули в боковой коридор, где факелы горели тусклее, а воздух был гуще.

— Вот здесь, — он указал на ряд арок, — когда-то располагались камеры для... не совсем обычных заключённых. Тех, кто владел запретной магией. Их сила питала дворец, делала его крепче. А их крики... — он замолчал, прислушиваясь, — до сих пор иногда слышны в ветре.

Я невольно оглянулась — в глубине коридора что-то шевельнулось, но это мог быть просто отблеск пламени.

— Ты говоришь так, будто веришь в эти легенды, — заметила я.

— Я не верю. Я знаю. — Он остановился перед массивной дверью с выгравированными цепями. — Вот, например, эта дверь. Её не открывали почти тысячу лет. За ней — зал зеркал. Говорят, если посмотреть в них слишком долго, увидишь не своё отражение, а то, чем ты станешь. Или то, кем ты уже был в прошлой жизни.

— И ты никогда не заглядывал?

— Заглядывал. — Его голос стал тише. — И видел вещи, которые предпочёл бы забыть.

Мы двинулись дальше, и коридоры становились всё мрачнее.

— А вот это место, — он указал на нишу в стене, где стояла каменная статуя без лица, — называют «уголком шептунов». Если прислониться к стене и закрыть глаза, можно услышать голоса. Они рассказывают секреты. Иногда — чужие. Иногда — твои собственные.

Я остановилась, вглядываясь в безликую фигуру.

— Почему ты рассказываешь мне всё это?

Каэрон повернулся ко мне, и в его глазах отразился огонь факела — словно две маленькие адские бездны.

— Потому что ты видишь больше, чем другие. Ты чувствуешь это место.

— И кто же решил возвести стены этого дворца?

— Как — кто? — со всей искренностью удивился Каэрон. — Сам владыка преисподней.

Я не успела расспросить больше, да и мне не особо хотелось знать столь пугающие вещи, как Каэрон принялся рассказывать следующую историю.

Его речь лилась плавно. Кажется, он ещё упомянул что-то про тренировочный зал? Мысли мгновенно переключились на это, но расспрашивать не стала, не хотела прерывать его монолог.

Вскоре мы остановились в просторном коридоре. Каэрон увлечённо рассказывал о картинах, висевших на стенах, их историях, художниках, тайных символах. Я слушала вполуха, разглядывая детали интерьера, когда из ближайшей двери донеслись крики, а следом и визг.

Мы с Каэроном переглянулись. В тот же миг из дверей выбежала рыжеволосая девушка. Она замерла, уставилась на нас, затем облизнула губы и направилась в нашу сторону.

— Привет, Каэрон! — бросила она с улыбкой и прошла мимо, даже не замедлив шаг.

Я перевела взгляд на него, ожидая объяснений.

— А это кабинет брата. А это его девушка, — произнёс он совершенно спокойно, будто сообщал что-то само собой разумеющееся.

Я стояла и смотрела вслед уходящей девушке.

Его девушка?

Разве прошлой ночью он не обжимался в коридоре сразу с двумя демоницами?

— А вот, кстати, и он! — воскликнул Каэрон.

Я обернулась в сторону кабинета и тут же встретила взглядом с Майклом. Он вышел к нам, нахмурившись.

— Что вы здесь делаете вдвоём? — спросил он, приближаясь. В его голосе звучала неприкрытая сталь.

Как обычно, я чувствовала его пренебрежение

Я уже успела узнать из разговоров слуг о том, что Майкл — Князь шестого круга Ада, и смотрел он на всех с презрением, словно он грёбанный повелитель этого мира.

Соперник

Я встречал алый рассвет в своём кабинете, в этом сумрачном пространстве, где свет едва пробивался сквозь тяжёлые бархатные шторы, окрашивая стопки бумаг в оттенки крови и пламени. Воздух был пропитан запахом пергамента, чернил и едва уловимой серой — неизбежным шлейфом адских глубин.

Стол утопал в хаосе: свитки с донесениями, карты Драконьих гор, расчёты потерь и вероятностей, списки потенциальных союзников и предателей.

Холодные цифры плясали перед глазами, складываясь в уравнения власти, но ни одно из них не давало ответа на главный вопрос: как без потерь провести армию демонов через границы крепости, сокрушить *его* и наконец подчинить все круги Ада?

Я провёл рукой по лицу, пытаюсь стряхнуть усталость. Нужно сосредоточиться. План должен быть безупречным, каждый шаг, каждый резерв, каждое слово в тайных договорах.

От этих мыслей, колючих, как осколки льда, отвлёк пронзительный, раздражающий голос Клэри.

Как всегда, без стука, без тени уважения к моему личному пространству, она ворвалась в кабинет, будто имела на это полное право. Будто этот кабинет, этот дворец, эта жизнь принадлежали ей.

— Милый? — сначала в дверях появилась рыжая голова, обрамлённая небрежными локонами, будто материализовавшаяся из алого тумана. Затем остальная часть тела, нарочито медленно, с театральным изяществом, будто Клэри исполняла ритуальный танец вторжения.

Демоница прошла к столу, будто хозяйка положения, и уже хотела сесть ко мне на колени, как делала это сотни раз прежде, будто это было её священным правом.

Внутри всё сжалось от раздражения.

— Ты зачем пришла? — оборвал её я. Голос прозвучал резко, как удар хлыста. Холодный, лишённый даже намёка на эмоции.

Клэри надула губы — этот жест, который когда-то казался милым, теперь вызывал лишь отвращение.

— Я соскучилась! — пропела она, растягивая слова. — Мы не виделись, кажется, целый век! Я могла бы сегодня прийти к тебе, и мы отлично провели бы время, как раньше.

Да, мы спали вместе — короткие встречи, лишённые тепла и привязанности, просто физическое взаимодействие, не более.

Иногда мы спали втроём — с братом. Но это никогда не значило ничего серьёзного. Я не давал ей обещаний, не строил иллюзий. Я спал с каждым обитателем в моём дворце, ну, разумеется, кроме моего брата и его подружки.

Пару недель назад я отослал Клэри в лимб — чётко, без объяснений, одним коротким приказом. И вот теперь она здесь. Какого чёрта она сейчас здесь забыла?

— Это всё? Или тебе ещё что-то нужно? — спросил, сжимая кулаки под столом.

Пальцы впились в подлокотники кресла, будто пытаюсь удержать себя от резкого, возможно, опасного поступка.

Я мог бы избавиться от Клэри раз и навсегда, утопить в лаве, например. Но она была отличным солдатом и была предана моим целям. Поэтому приходилось терпеть ее. Поэтому я иногда отсылал ее подальше, она часто надоедала. А в последнее время мне хотелось чего-нибудь особенного. Кого-то особенного.

— Так! В нём дело? — в голосе Клэри прозвучала сталь. — Ты меня больше не хочешь? — Она резко сменила тактику: театральная обида сменилась холодным расчётом. Клэри села на стул напротив, скрестив ноги, демонстрируя безупречный маникюр и дорогие украшения. Её взгляд стал острым, как лезвие кинжала.

Я даже не стал отвечать. Просто кивнул в сторону двери:

— Можешь пойти к моему брату и составить ему компанию, а то он совсем заскучал! — бросил я, возвращая своё внимание к бумагам. Пальцы намеренно сжали край листа — жест холодный, окончательный. Пусть поймёт: здесь ей не рады. Ни сейчас, ни потом.

— Не поняла... Ты что, меня бросаешь? — в её голосе проскользнула растерянность. Или это всё ещё игра?

Я резко откинул перо, поднял взгляд.

— Что? Клэри, ты сама себя слышишь? — усмехнулся, но в смехе не было тепла. — Мы никогда не были вместе и не будем. Я просто иногда трахал тебя, когда было скучно и нечем заняться. Таких, как ты, у меня ещё половина города. Я никому ничего не обещал!

Она замерла. На секунду показалось, даже дышать перестала. Глаза, ещё недавно игривые и самоуверенные, теперь метали молнии. Губы дрогнули, но она не произнесла ни звука. Клэри лишь сверлила меня взглядом, будто пыталась найти хоть каплю слабости, хоть тень сомнения.

Тишина давила. Я ждал. Знал: сейчас последует взрыв.

— Ну и кто она? — наконец выдавила Клэри, сжимая кулаки.

Я замер.

Клэри думает, что я нашел себе постоянную любовницу? Звучит забавно.

— Ты, как ты выразился, «просто трахал» меня на протяжении последних десяти лет, и сейчас вдруг отвергаешь меня? Я ни за что не поверю, что причина в том, что я просто тебе надоела. Всё дело в другой женщине! — Голос звучал громко, в нём клокотала ярость.

Она могла узнать о моей связи с Оракулом или теми двумя демоницами, или еще о любой другой девушке, что была в моей постели. Но разве меня это волновало?

— Тебя это не касается! — отрезал я.

Клэри вскочила со стула, её лицо исказилось от гнева.

— Ты... ты просто урод! — выкрикнула она, и голос дрогнул. — Ты пользовался мной! Игрался, как с игрушкой, а теперь выбрасываешь, будто я мусор! Думаешь, я не видела, как ты на неё смотришь? Как светишься, когда она рядом? Это все замечают, как она влияет на демонов!

Я молчал.

Она что, говорит о Валери? Неужели я «свечусь, когда она рядом»? Нет, это бред. Быть такого не могло.

Она была безразлична моему брату, и кроме равнодушия я ничего не испытывал к смертной. И уж точно я не испытывал к ней симпатию. Ведь не испытывал?

— Ты даже не понимаешь, что теряешь! — продолжала она, шагнув ближе. — Я могла бы быть тебе верной, могла бы...

— Могла бы? — перебил я, поднимаясь из-за стола. Теперь мы стояли друг напротив друга, разделяемые лишь тонкой гранью ненависти. — Но не стала, потому что ты — как все. И ты это знаешь.

Этот разговор пора заканчивать, пока не выяснилось еще что-то, о чем я даже сам не подозревал.

— Ты глупец! — Её глаза вспыхнули. — Она никогда не выберет такого, как ты! — Клэри резко развернулась и бросилась к двери, хлопнув ею так, что задрожали стёкла.

Я остался один. В ушах звучали её крики, но внутри тишина. Спокойная, почти умиротворяющая. Никаких угрызений совести. Никаких «а что, если...». Всё было правильно.

Но вот её слова о том, что Валери никогда бы меня не выбрала, задели за живое. Чем я хуже брата? Что есть в нём, чего нет во мне? Я бы мог очаровать её и подчиниться себе одним взглядом и парой ласковых фраз. Мог бы, но не хотел.

Сделав глубокий вдох, я вышел из кабинета. Еще внутри я чувствовал: брат где-то рядом. И не удивился, когда в коридоре увидел его и Валери рядом.

Она стояла, слегка наклонив голову, слушала что-то, что говорил Каэрон, и улыбалась. Эта улыбка... Она резанула по сердцу, как лезвие. Настоящая. Не наигранная. Не требующая ничего взамен.

Валери.

Её смертность притягивала каждого, но не как слабость, а как странная, завораживающая сила. В ней было что-то, чего не найти ни в одной из бессмертных сущностей этого мира: хрупкость, соединённая с нестигаемой волей. Она не склонялась под взглядом, не дрожала перед угрозами, не льстила, как это делали демоны. Она была настоящая, живая, непокорная. И не только я чувствовал это притяжение.

«И ещё... берегись брата. Он уже выбрал сторону», — слова Оракула не покидали моих мыслей.

Мой брат. Его взгляд, когда он смотрит на неё, становился острым, изучающим, как у охотника, заметившего редкую добычу.

Мои советники. Их презрительные улыбки скрывали жадный интерес: смертная девушка в Аду — аномалия, загадка, потенциальное оружие.

Мои генералы. Даже они, закалённые в тысяче битв, на миг теряли хладнокровие, когда она проходила мимо.

Я игнорировал это внимание к ней, ведь меня интересовало совсем иное, но...

Клэри права — Валери никогда не выберет меня. Потому что она уже сделала свой выбор. И от этого осознания стало не по себе.

Ревновал ли я? Да.

Ревновал ли я брата к ней, или ее к брату? Я затруднялся ответить.

Но мне так хотелось оказаться сейчас на его месте, чтобы ее улыбка предназначалась только мне, чтобы она смотрела на меня так, как будто жить без меня не может. Чтобы *кто-то* на меня так смотрел.

Я вздохнул. Ни в коем случае нельзя о ней думать. Она мне никто. Абсолютно никто. Чужая. Случайная страница в книге моей жизни, которую пора перевернуть и сжечь.

Она не моя.

Каэрон заметил меня первым. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на сжатых кулаках, затем на двери кабинета, из которой только что выскочила Клэри. Уголок его рта дрогнул, то ли в усмешке, то ли в сочувствии.

— Что вы здесь делаете вдвоём? — мой голос прозвучал резко.

Почему брату всегда везло во всем? Будь то отношение или элементарная готовка. Он был идеальным во всем.

Со мной же всё было иначе. Мне не везло, начиная от отношений и заканчивая готовкой.

И сейчас видя их счастливых вместе, мне захотелось разрушить это счастье.

Нет, я отмахнулся от этих мыслей. Валери не интересовала меня. Она всего лишь смертная, чьё время в Аду ограничено.

Но настолько ли она «смертная»?

Лучше научись использовать её силу. Иначе она ломает тебя.

Думаю, пришло время мне лучше узнать эту «смертную» и понять, насколько Каэрону безопасно рядом с ней.

Каэрон разводит руки в стороны, будто демонстрирует что-то очевидное:

— Вообще-то у нас экскурсия.

— Экскурсия? — я шагнул ближе. — Поэтому ты показываешь ей коридор? — обращаюсь к брату, но сам не отрываю глаз от Валери.

— До самого интересного мы просто не дошли! — Каэрон улыбается, будто всё это весёлая игра.

Не знаю, чем я руководствовался, когда произнёс:

— Дальше я сам! — резко перебиваю, протягивая Валери руку. — Я точно знаю, что тебе понравится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.